

Бережков Валентин Михайлович

Тегеран 1943

От автора

Мне хочется рассказать об одном событии, свидетелем которого мне довелось быть и которое заняло видное место в дипломатической истории второй мировой войны. Речь пойдёт о состоявшейся в Тегеране осенью 1943 года Конференции руководителей трёх великих держав, объединившихся в антигитлеровскую коалицию.

Никого из трёх главных участников тегеранской встречи теперь уже нет в живых. Последний из них — Уинстон Черчилль, доживший до 90 лет, был в 1965 году с почестями похоронен в своём фамильном имении в Англии. К тому времени прошло более десяти лет, как он отошёл от государственных дел. Рузвельт умер в апреле 1945 года, буквально накануне капитуляции гитлеровской Германии. Сталин пережил его на неполных восемь лет. Но в момент тегеранской встречи все трое находились во главе держав антигитлеровской коалиции. Мир, терзаемый небывалой войной, пристально следил за каждым их действием, вслушивался в каждое их слово. И естественно, что в дни Тегеранской конференции к ней были прикованы взоры всего человечества. Решений первой встречи Большой тройки ждали не только народы порабощённой Европы. Результатов конференции трёх с тревогой ожидали и державы «оси». И от способности трёх лидеров антигитлеровской коалиции совместно действовать во многом зависели в то время судьбы цивилизации, жизнь будущих поколений.

28 ноября 1943 года в Тегеране впервые встретились три человека, имена которых прочно вошли в историю: И. В. Сталин, Ф. Д. Рузвельт, У. Черчилль. Трудно найти людей более несхожих, чем они.

Глава Советского правительства Иосиф Виссарионович Сталин — сын деревенского сапожника, профессиональный революционер, один из организаторов Октябрьского переворота, открывшего новую эру в истории человечества, автор трудов по научному социализму, руководитель первого в мире социалистического государства, того государства рабочих и крестьян, которое Черчилль тщетно пытался «задушить в колыбели» и которое правящие круги Соединённых Штатов не признавали целых шестнадцать лет.

Президент Соединённых Штатов Франклин Делано Рузвельт — выходец из семьи богатых дельцов, искушённый в тонкостях управления сложной машиной американской буржуазной демократии, политик, пробившийся в ожесточённых схватках со своими беспощадными

соперниками на самый высокий пост в крупнейшем капиталистическом государстве.

Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль — аристократ до мозга костей, верноподданный британской короны, активный строитель колониальной империи, отпрыск древнего рода Мальборо, с рождения оказавшийся в узкой привилегированной касте потомственных правителей Британской империи.

У каждого из этих трёх лидеров были свои взгляды на историю и на будущее человечества. Каждый имел свои идеалы и убеждения. Но, несмотря на всё это, логика борьбы против общего врага свела их вместе в Тегеране. И они приняли там важные согласованные решения.

Многие историки считают Тегеран zenитом антигитлеровской коалиции. Мне это мнение представляется справедливым. Но путь к этой вершине был нелёгок. Правящие круги Англии и Соединённых Штатов с момента нападения Гитлера на СССР проявляли сдержанность и поначалу весьма неохотно шли на военное сотрудничество с Советским Союзом. В то время как Советское правительство стремилось в наикратчайший срок установить союзнические отношения с западными державами, видя в этом залог успешной борьбы против держав фашистской «оси», Лондон и Вашингтон лишь под давлением обстоятельств включались в совместные действия против общего врага, всячески тянули с выполнением взятых на себя обязательств.

Вступление в войну Советского Союза придало ей подлинно антифашистский, освободительный характер. С героической борьбой Красной Армии люди повсюду и особенно народы Европы, изнывавшие под игом фашистского «нового порядка», связывали надежды на избавление от коричневой чумы. Уже тогда было широко распространено понимание того, что без Советского Союза ни Англия, ни Соединённые Штаты не смогли бы одержать победу над державами «оси». Более того, союз с Советской страной представлял в то время единственную возможность для Англии и США сохранить свою политическую независимость и национальный суверенитет. В этом отдавал себе отчёт и Черчилль, который уже 22 июня 1941 года в радиоречи заявил: «Опасность, грозящая России, — это опасность, грозящая нам и Соединённым Штатам...»

Понимание этого факта, в сущности, и предопределило англо-американо-советское сотрудничество в войне, создание антигитлеровской коалиции.

Не следует, однако, забывать, что западные участники этой коалиции преследовали в ходе войны свои специфические цели, без понимания которых трудно уяснить характер взаимоотношений между союзниками,

а также понять мотивы, которыми лидеры Англии и Соединённых Штатов руководствовались в ряде случаев, в том числе и на Тегеранской конференции.

Политику Вашингтона предопределяло в конечном счёте стремление к установлению господства США над миром (*Rex Americiana*), тогда как забота правящих кругов Англии состояла прежде всего в том, чтобы сохранить позиции британской мировой империи. Уже тут серьёзно расходились их интересы. Но в то время обе эти державы видели главное препятствие к достижению своих целей в политике гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Они считали, что лишь устранив этих опасных соперников, смогут закрепить и расширить сферу своего влияния. Иными словами, Англия и США — и после того, как со вступлением Советского Союза в войну, она приняла антифашистский характер — преследовали в этом конфликте свои корыстные цели.

Вместе с тем западные державы, входившие в антифашистскую коалицию, ставили и другую, первостепенную с их точки зрения, задачу. Они стремились в ходе затяжной войны всячески ослабить Советское государство, а по возможности вообще добиться его ликвидации. Именно к этому была направлена их предвоенная политика возрождения германского милитаризма и поощрения гитлеровских амбиций. Этим же объяснялись и бесконечные оттяжки с открытием второго фронта в Европе.

Двойственность политики англо-американцев была очевидной. С одной стороны, Англия и США стремились руками Советского Союза ослабить своих главных конкурентов — Германию и Японию, а с другой — не оставляли надежды, что гитлеровской Германии, возможно, с помощью Японии удастся задушить первое социалистическое Советское государство, что открыло бы путь для восстановления безраздельного господства капитализма на земном шаре.

Разумеется, в разгар войны официальные руководящие деятели Англии и Соединённых Штатов не осмеливались открыто высказывать свои сокровенные чаяния. Ибо тогда в их же странах общественное мнение было самым решительным образом настроено в пользу активного сотрудничества с Советским Союзом. Правительства Англии и США не могли не считаться с широким движением английского и американского народов за эффективный военный союз с СССР, за решительные совместные действия против общего врага.

Сложившаяся в годы войны антифашистская коалиция сыграла большую историческую роль в деле разгрома гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Она явилась практическим подтверждением ленинской идеи о возможности сосуществования и даже сотрудничества государств с различными социально-экономическими системами.

Участие в этой коалиции Советского Союза, последовательно проводившего политику мира, выступавшего за дружбу народов и их право на самостоятельное решение своей судьбы, придало новые силы всем, кто боролся за свободу и независимость. С особой силой значение антигитлеровской коалиции подтвердили решения, принятые в Тегеране.

В этой книге значительное место отводится Сталину как одному из главных участников Большой тройки, руководителю советской делегации на Тегеранской конференции. Но пусть читатели не усматривают в этом попытку дать какую-то оценку роли Сталина вообще. Ничего похожего автор не имел, да и не мог иметь в виду, тем более, что рассматривается весьма ограниченный отрезок времени — Тегеранская конференция продолжалась всего 4 дня. Не имел автор в виду и давать всестороннюю характеристику участников этой встречи или рисовать их политические портреты. Эта книга — не историческое исследование. Она не претендует и на то, чтобы дать исчерпывающий анализ Тегеранской конференции и вопросов, на ней обсуждавшихся. Скорее её следует рассматривать как воспоминания очевидца тех знаменательных событий, выполнявшего к тому же весьма скромную работу переводчика.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Из Москвы в Баку

Переписка между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем об их встрече велась на протяжении длительного времени. Все трое признавали необходимость и важность личной встречи. К тому времени, о котором идёт речь, то есть к осени 1943 года, в ходе войны против гитлеровской Германии наметился явный поворот в пользу союзников. По-этому уже не только военные, но и политические соображения диктовали настоятельную необходимость встречи трёх лидеров антигитлеровской коалиции. Надо было обсудить и согласовать дальнейшие совместные действия для ускорения победы над общим врагом, обменяться мнениями относительно послевоенного устройства.

В общем, все были за такую встречу. Однако серьёзные трудности представлял вопрос о том, где она должна произойти. Сталин предпочитал провести конференцию поближе к советской территории. Он ссылался на то, что активные военные операции на советско-германском фронте не позволяют ему, как верховному главнокомандующему, надолго отлучаться из Москвы. Это был, конечно, веский аргумент. Рузвельт, в свою очередь, ссылался на американскую конституцию, не позволяющую ему, как президенту, длительное время отсутствовать в Вашингтоне. Скорее всего тут, однако, играли роль соображения престижа. Зато Черчилль, до того уже побывавший в Москве, изъявил готовность встретиться в любом месте.

Вернувшись в конце ноября в Москву из кратковременной командировки, я узнал, что этот спорный вопрос решён, местом встречи избран Тегеран, а советская делегация уже отбыла из Москвы поездом.

Советское правительство предложило устроить встречу в Тегеране, учитывая то, что там находились советские войска, введённые в Иран в соответствии с Договором 1921 года в целях пресечения подрывной шпионско-диверсионной деятельности германской агентуры в Иране. В южную часть страны были введены английские войска для обеспечения англо-американских поставок, шедших из Персидского залива в Советский Союз. Охрана участников Тегеранской конференции обеспечивалась главным образом силами советских войск и органов безопасности. После некоторых колебаний Рузвельт согласился приехать в Тегеран.

В то время я был в ранге советника и занимался советско-американскими отношениями в наркомате иностранных дел. Поскольку я хорошо владел английским языком, мне поручили выполнять роль переводчика на тегеранской встрече. Чтобы догнать нашу делегацию, пришлось воспользоваться самолётом. Все выездные документы были уже оформлены, и в ночь на 27 ноября я вылетел из Москвы. Вместе со мной ехал отставший от делегации её эксперт по ближневосточным проблемам профессор А. Ф. Миллер.

На шоссе, ведущем к аэродрому, бушевала вьюга. Ночь была тёмная — хоть глаз выколи, — и большой неуклюжий «ЗИС-101» медленно пробирался вперёд. По строгим правилам затемнения фары заклеивались чёрной тканью. Слабый свет, пробиваясь через узкие прорезы, едва освещал небольшой участок проезжей части. Шофёр, прижавшись к ветровому стеклу, внимательно всматривался в край дороги, стараясь не угодить в кювет. Машину то и дело приходилось останавливать. Шофёр вылезал из кабины, протирал снаружи стекло, залепленное снегом: «дворники», которые, судорожно вздрагивая, ёрзали по стеклу, не могли справиться с напором снежинок.

В темноте никак нельзя было разобрать, далеко ли ещё до аэродрома. Но вот машина осторожно свернула с главного шоссе направо, потом налево, и из-за большого сугроба появился серый куб затемнённого здания Внуковского аэропорта. Когда «ЗИС» остановился у подъезда, до отлёта оставалось всего 15 минут.

Внутри аэровокзала было светло и, несмотря на ночное время, шумно илюдно. Оформив документы, мы вышли на лётное поле. Здесь уже прогревал моторы грузовой «Дуглас». Винты гнали снежинки, которые, как иглы, впивались в лицо. Но приставной железной стремянке забрались внутрь. Половина кабины была заставлена какими-то ящиками. Только впереди было посвободнее. Прикреплённую к

шпангоутам откидную железную скамью покрыл иней. Сидеть было холодно. Спина упиралась в обледенелый металлический корпус. После взлёта включили отопление. Но от этого не стало лучше: горячий воздух шёл сверху, голове было жарко, а ноги трясло, как в лихорадке.

Летели, как было принято во время войны, низко, над самым лесом: остерегались немецких истребителей. В кабине свет не включали, ив иллюминатор можно было разглядеть заснеженные поля и тёмные перелески. Под утро сделали посадку на каком-то военном аэродроме в степи. Пополнили баки бензином и отправились дальше. Внизу появились солончаки. Снега тут почти не было. Однообразно тянулись песчаные холмы с пучками сухой травы. К середине дня к нам вышел командир корабля и сказал:

— Через несколько минут пройдём над Сталинградом. Летим низко, и вы сможете увидеть, что осталось от города...

Мы молча прикинули к иллюминаторам. Сначала появились разбросанные в снегу домики, а потом вдруг начался какой-то фантастический хаос: куски стен, коробки полуразрушенных зданий, кучи щебня, одинокие трубы. Все это чёрно-белыми зигзагами вздымалось пал снежной пустыней. Ещё не прошло и года, как здесь бушевал смерч войны, оставивший после себя мертвые руины. Но уже можно было различить первые признаки жизни. На снегу виднелись чёрные фигурки людей, кое-где высились новые здания. Город возрождался, в нем начинал биться пульс жизни. Но вот кончились пределы Сталинграда, и снова под нами потянулся унылый, безжизненный пейзаж. То здесь, то там виднелись ржавые скелеты немецких танков и автомашин. Я отвернулся от иллюминатора, поднял воротник пальто, поджал под себя ноги в тщетной надежде согреться и задремал.

В Баку прилетели поздно вечером. Здесь было тепло. На аэродроме нас встречали дипломатический агент МИДа в Азербайджане и представители местных властей.

В город ехали на старом тёмно-синем «шевроле» дипагента. Узкое шоссе пролегалo сквозь лес вышек, в воздухе разливался тёплый и какой-то уютный запах сырой нефти. Он вселял чувство спокойствия, довольства, даже безмятежности. Но все знали, что бакинцы работают напряжённо, день и ночь, чтобы обеспечить страну горючим, столь необходимым для победы. Они с честью справлялись со своей задачей. В самые тяжёлые дни войны, когда гитлеровцы подошли к Волге и предгорьям Кавказа, бакинская нефть бесперебойно шла на нужды фронта и тыла. Разместили нас в гостинице «Баку» в номере со всеми удобствами и с горячей водой, что было особенно приятно. В Москве в первые годы войны даже здание МИДа не отапливалось. Работали мы в пальто, а ночевали в подвале мидовского здания на Кузнецком мосту,

который служил и убежищем во время воздушных налётов. Но там было ужасно холодно, и перед сном мы соскабливали иней с кирпичных стен.

Разговор с востоковедом

В Баку мы остались на ночь и рано утром должны были вылететь к Тегеран. После пронизывающего холода в самолёте было приятно принять горячую ванну. Побрившись, спустились в ресторан поужинать. Нас поразило, что тут без карточек можно было заказать закуски, шашлык и другие блюда, перечисленные в объёмистом меню. Метрдотель объяснил, что транспортные трудности не позволяют вывезти из Закавказья производимые тут продукты. Хранить их длительное время также невозможно — мало холодильников. Поэтому в ресторанах все выдаётся без карточек. Сравнительно недороги продукты и на колхозном рынке, так что население в Закавказье не испытывает недостатка в питании. После этого разъяснения мы с Анатолием Филипповичем Миллером с чистой совестью принялись за ужин.

Это было моё первое знакомство с профессором А. Ф. Миллером. Правда, я и раньше слышал о нём, как о видном востоковеде, читал его работы. В пути мы почти всё время молчали. Теперь разговорились. Анатолий Филиппович рассказал, что только накануне узнал о своей поездке и о том, что в Тегеране состоится встреча глав правительств трёх держав. И он толком не знал, какая роль ему там предназначается.

— По-видимому, — рассуждал Миллер, — не обойтись без проблемы Турции. Восток и в особенности турецкие проблемы — моя специальность. Пожалуй, в этой связи я могу быть полезен.

Я согласился, что предположения профессора, видимо, правильны.

Миллер продолжал:

— Для нас сейчас было бы выгодно, если бы Турция вступила в войну на стороне антифашистской коалиции. Трудно, конечно, сказать, в какой мере турецкая армия готова к активным военным действиям, но дело даже не в этом. Мне кажется, что самый факт объявления Турцией войны Германии имел бы немалое политическое и стратегическое значение. Это сделало бы уязвимыми позиции гитлеровцев на Балканах. Союзники могли бы воспользоваться турецкой территорией для создания своих баз, особенно авиационных, с которых можно было бы подвергать бомбёжке немецкие позиции в районе Эгейского моря и на Балканах. Хотя это будет не так-то легко, всё же можно попытаться побудить Турцию вступить в войну.

— Вы так думаете? — спросил я.

Миллер немного помолчал, взял бутылку, в которой ещё оставалось немного вина, долил в рюмки. Отхлебнув, провёл языком по верхней губе. Потом не спеша ответил:

— Полагаю, что турки все ещё не уверены, проиграет ли Гитлер. Они боятся просчитаться. Думаю, история признает, что нейтралитет Турции сыграл свою положительную роль в этой войне. Но ее нейтралитет имел различные нюансы. Когда в 1941, а затем летом 1942 года гитлеровцы глубоко вклинились в нашу страну и даже подошли к Кавказу, турки старались делать так, чтобы их нейтралитет был больше приятен немцам, чем нам. Вспомните хотя бы дело Павлова и Корнилова...

Сейчас, вероятно, уже мало кто помнит о деле Павлова и Корнилова, но тогда оно наделало много шума. Эта история была весьма показательна для позиции Турции. В первые недели войны гитлеровской Германии против Советского Союза Турция всячески подчёркивала свой строгий нейтралитет. Это было, в частности, видно и по отношению турецких властей к советской колонии, возвращавшейся из Германии в июле 1941 года на родину через Турцию. Ей были оказаны все знаки внимания.

Стоит также отметить, что в то время германские военные лётчики, совершавшие вынужденную посадку на территории Турции, сразу же интернировались. Турецкая пресса давала сравнительно объективную картину обстановки на советско-германском фронте.

Турки, надо полагать, очень опасались германского вторжения. Для таких опасений были веские основания. В первые дни войны в руки советских войск попали оперативные карты и детальные планы германского нападения на Турцию. Советская пресса опубликовала эти «сверхсекретные» гитлеровские документы, а советский посол в Анкаре Виноградов подробно информировал об этом турецкое правительство.

В те дни генеральный секретарь турецкого министерства иностранных дел Нумал Менеменджиоглу часто приходил к Виноградову «поиграть в шахматы». Неторопливо передвигая фигуры, Менеменджиоглу не упускал случая подчеркнуть решимость Турции соблюдать строжайший нейтралитет, а в случае необходимости даже защищать его с оружием в руках. Но по мере продвижения германских войск в глубь советской территории позиция Анкары стала меняться.

Стало известно, что интернированные в Турции германские лётчики потихоньку возвращаются в рейх. Турецкая пресса все шире воспроизводила геббельсовскую пропаганду, отводила все больше места победным реляциям гитлеровского верховного командования. Кульминационным пунктом тенденции к заигрыванию с гитлеровским рейхом и было пресловутое «дело Павлова и Корнилова».

Всё началось с того, что 24 февраля 1942 года на бульваре Ататюрка в Анкаре, неподалёку от здания германского посольства, взорвалась бомба. Каждый, кто хоть немного знал повадки нацистов, без труда распознал в этом взрыве их грубую провокацию. Но турецкие власти тогда сделали вид, что не понимают этого. Более того, они подхватили сфабрикованную Берлином версию, согласно которой «красные агенты» будто бы пытались совершить покушение на германского посла в Турции фон Папена. В подтверждение геббельсовской версии турецкая полиция арестовала двух советских граждан — Павлова и Корнилова, предъявив им вздорное обвинение. Судебный процесс длился с 1 апреля по 17 июня 1942 года. Турецкая и гитлеровская пресса подняла вокруг него невероятную шумиху. Павлов и Корнилов блестяще и стойко защищали себя (для консультаций и организации их защиты в Анкару был послан советский следователь и криминалист Лев Шейнин). С первых же дней процесса стало ясно, что оба они абсолютно не причастны к взрыву на бульваре Ататюрка. Но турецкие власти осудили их на 20 лет тюрьмы каждого. При этом в Анкаре пеклись вовсе не о торжестве правосудия, а старались угодить гитлеровцам, имевшим в то время успехи на советско-германском фронте.

Когда германское продвижение в глубь Советского Союза застопорилось и советские войска стали гнать гитлеровцев на запад, а в особенности после разгрома армии фельдмаршала Паулюса под Сталинградом анкарские политики стали менять тон. Они давали понять, что дело Павлова и Корнилова может быть пересмотрено (8 августа 1944 года Павлов и Корнилов были освобождены из анкарской тюрьмы). Турецкое правительство заявляло, что хотело бы улучшить советско-турецкие отношения. К осени 1943 года, после летних поражений Германии и освобождения Киева, турки все более заигрывали и с нашими западными союзниками, давая понять, что их симпатии на стороне антигитлеровской коалиции.

Казалось, существовала реальная возможность вступления Турции в войну на стороне союзников. Но в действительности это произошло гораздо позже.

Пассажиры международной авиалинии

На рассвете мы снова отправились через заросли нефтешек на аэродром. День обещал быть хорошим. Безоблачное небо уже блестело на востоке яркими красками. У аэровокзала нас ждал самолёт, пожалуй, единственной в то время советской международной авиалинии Баку — Тегеран. Она обслуживалась двухмоторными самолётами, отлично оборудованными внутри. В звуконепроницаемом салоне стояли в два ряда мягкие удобные кресла с высокими спинками, сверху затянутыми белоснежными чехлами. Команда состояла из военных лётчиков, облачённых в парадную офицерскую форму с блестящими золотыми

погонами. Они казались особенно нарядными, так как в Москве командный состав носил полевые зелёные погоны с едва заметными знаками различия.

Изящная отделка самолёта, парадная форма экипажа, лучи солнца, мягко струившиеся сквозь иллюминаторы, — всё это создавало праздничное настроение. Вскоре после того как машина поднялась в воздух, к нам в салон (кроме нас с Миллером было ещё четверо военных) вошёл один из членов экипажа, который, выполняя роль стюардессы, рассказал, на какой высоте и с какой скоростью мы летим, какая за бортом температура, когда, прибудем в Тегеран. Немного позже он снова появился, неся поднос с шестью чашечками чёрного кофе. После вчерашнего дня в обледенелом, холодном самолёте всё это казалось сказкой.

Сначала летели вдоль побережья Каспийского моря, потом над бурными горными складками Иранского Азербайджана, миновали Тавриз, окруженный россыпью глинобитных домиков. Солнце ярко освещало все вокруг, и под нами на многие десятки километров лежала иранская земля. В полдень мы уже подлетели к Тегерану, который с птичьего полёта выглядел очень красиво. Правильные квадраты городских кварталов, большие зелёные массивы, проспекты, отороченные кромкой деревьев. — вся эта картина как-то не вязалась с моим представлением об этом восточном городе, имевшем, как казалось с воздуха, вполне европейский вид. Впрочем, минареты мечетей весьма убедительно напоминали о том, в какой части света мы находимся. Слева от раскинувшегося в долине города виднелся горный массив. Это — дачный район иранской столицы. Здесь расположены загородная шахская резиденция и виллы местной знати.

Выйдя из самолёта на тегеранском аэродроме, мы внезапно очутились как бы в разгаре лета. Прогретый солнцем воздух ласкал лицо. После заснеженной Москвы необычно выглядели деревья с пышной листвой. Пришлось спешно снять не только пальто, но и пиджак, расстегнуть ворот рубашки.

С аэродрома нас повезли на военном «виллисе» по пыльным улицам, которые выглядели далеко не столь привлекательно, как с птичьего полёта. Правда, центральная часть города была более современной. Наконец машина въехала в усадьбу советского посольства. Некогда эта усадьба, как мне потом рассказали, принадлежала богатому персидскому вельможе. С того времени тут и сохранился обширный тенистый парк с огромными кедрами, живописными ивами, отражающимися в прудах, и могучими платанами, в узловатых корнях которых освежающе журчал арык.

Познакомился я с Тегераном в один из последующих дней, но хочу сразу же рассказать о своих впечатлениях.

Утро восточного города

В тот день я встал пораньше, чтобы воспользоваться несколькими часами, остававшимися до заседания, для осмотра города.

Солнце ещё только поднялось из-за холмов, окаймляющих иранскую столицу. В посольском парке под кронами старинных деревьев царил прохладный зелёный сумрак, но за воротами, на улице было светло и даже припекало. Вдоль тротуара тянулся арык, по которому струилась мутная вода. Едва тронутые осенним золотом платаны отбрасывали длинные тени.

Было пустынно, попадались лишь редкие прохожие. Не зная города, я шёл наугад по направлению к центру. Улицы становились всё более людными. Здесь уже совершали утренний моцион состоятельные жители столицы: нарядные изящные женщины в тёмных очках, закрывавших почти половину лица, — мне подумалось, что это своеобразная ультрамодная паранджа. Впрочем, в отличие от многих пожилых персиянок, кутавшихся в просторные чёрные одежды, эти модницы щеголяли в цветастых платьях, плотно обтягивающих фигуры. Их сопровождали не менее модно одетые солидные господа с густо набриолиненными и гладко зачёсанными волосами. Массивные кольца на руках мужчин, дорогие серьги, ожерелья и браслеты, украшавшие женщин, — все это как бы выставлялось напоказ, символизируя довольство и богатство, особенно кричащие в этом городе, где рядом давала себя знать нищета. Даже в этих богатых кварталах часто попадались оборванные люди, нищие вымаливали подаяние.

Выйдя на центральную площадь, я свернул в сторону рынка. Его близость чувствовалась. Мимо роскошных лимузинов медленно плелись тощие, тяжело навьюченные ослики. На них крестьяне из окрестных деревень доставляли в город для продажи овощи, фрукты и другие дары земли. На тротуаре, прислонившись к стене, рядом сидели уличные писцы, которые за сходную плату тут же сочиняли для неграмотных крестьян жалобы и прошения.

Площадь, на которую я попал, называлась Туп-Хане; рядом с ней находится самый крупный крытый базар страны «Эмир». Он состоит из нескольких обширных помещений, соединённых множеством высоких узких коридоров. Через небольшие отверстия в сводчатых потолках с трудом проникает дневной свет. По обе стороны коридоров множество мелких лавчонок.

Базар раскинулся на огромной территории. Он имеет свои мечети бани, мусульманские духовные семинарии — медресе. Тут же помещаются и всевозможные кустарные мастерские. Они оглушают перестуком молотков чеканщиков, звоном медной посуды. Сюда же вплетаются выкрики зазывал лавок и харчевен. Ноздри щекочут пряные запахи, дым от поджариваемой тут же на углях баранины, ароматы фруктов, сложенных в огромные пирамиды.

Тегеранский базар — это не только чрево иранской столицы, но и важный барометр политической и экономической жизни страны. Он чутко откликается на все события. Подобно тому как в Нью-Йорке прислушиваются к Уоллстриту, в Тегеране говорят: «Базар не возражает... базар волнуется... базар против...»

Вернувшись за ограду посольства, я сразу же окунулся в безмолвный зелёный сумрак.

Предупреждение из ровенских лесов

Пожалуй, трудно было найти место более подходящее для секретных переговоров трёх лидеров военного времени, чем усадьба советского посольства в Тегеране. Здесь ничто не могло помешать их работе, сюда не доносился шум восточного города. Обширная усадьба обнесена каменной стеной. Среди зелени парка разбросано несколько зданий из светлого кирпича, в которых разместились советская делегация. Главный особняк, где обычно помещалась канцелярия посольства, был оборудован под резиденцию президента США Рузвельта.

Вопрос о том, чтобы американский президент остановился на время конференции в советском посольстве, заранее обсуждался участниками тегеранской встречи. В конечном счёте его решили, исходя из соображений безопасности. Американская миссия в Тегеране находилась на окраине города, тогда как советское и английское посольства непосредственно примыкали друг к другу. Достаточно было с помощью высоких щитов перегородить улицу и создать временный проход между двумя усадьбами, чтобы весь этот комплекс образовал одно целое. Таким образом обеспечивалась безопасность советских и английских делегатов, поскольку вся территория надёжно охранялась. Если бы Рузвельт остановился в помещении миссии США, то ему и другим участникам встречи пришлось бы по нескольку раз в день ездить на переговоры по узким тегеранским улицам, где в толпе легко могли бы скрываться агенты третьего рейха.

Имелись сведения, что гитлеровская разведка готовит покушение на участником тегеранской встречи. В 1966 году небезызвестный головорез Отто Скорцени, которому Гитлер доверял наиболее ответственные

диверсии, подтвердил, что он имел поручение выкрасть в Тегеране Рузвельта. Эту операцию гитлеровцы готовили в глубокой тайне.

В то время в Тегеране мало кто знал, что важные сведения о готовившейся диверсии против глав трёх держав поступили из далёких ровенских лесов, где в тылу врага действовала специальная группа под командованием опытных советских чекистов Дмитрия Медведева и Александра Лукина. В эту группу входил и легендарный разведчик Николай Кузнецов, осуществивший немало смелых операций в районе оккупированного нацистами города Ровно. Зная в совершенстве немецкий язык, Кузнецов отлично играл роль оберлейтенанта вермахта Пауля Зиберта. Гитлеровцы долгое время не подозревали, что за выложенной внешностью высокого, всегда подтянутого офицера-фронтовика скрывается советский разведчик. В конце концов фашисты всё же напали на след Кузнецова, и он вместе с двумя своими товарищами был убит в перестрелке 1 апреля 1944 года.

В недавно вышедших воспоминаниях Александр Лукин рассказывает, как Николай Кузнецов, он же — Пауль Зиберт, расположил к себе приехавшего в Ровно штурмбанфюрера СС фон Ортеля и выведал у него важную тайну. Началось с того, что фон Ортель сам предложил Зиберту перейти на службу в СС, где легко сделать карьеру. Когда Зиберт и фон Ортель снова встретились в ресторане при офицерском казино в Ровно, фон Ортель напомнил о своём предложении и пообещал в скором времени познакомить Зиберта с Отто Скорцени, вместе с которым ему, фон Ортелю, предстояло выполнить какую-то важную операцию. Кузнецову не пришлось долго допытываться, о чем идёт речь. Размякший от коньячных паров фон Ортель все выболтал.

— Вскоре я отправляюсь в Иран, мой друг, — доверительно шепнул он... — В конце ноября там соберётся Большая тройка. Мы повторим прыжок в Аbruццо! Только это будет дальний прыжок! Мы ликвидируем Большую тройку и повернём ход войны. Мы сделаем попытку похитить Рузвельта, чтобы фюреру легче было сговориться с Америкой... Вылетим несколькими группами. Людей готовим в специальной школе в Копенгагене...

Упомянув Аbruццо, фон Ортель имел в виду проведённую Отто Скорцени по указанию Гитлера операцию по спасению Муссолини. После того как в июле 1943 года фашистский режим в Италии потерпел крах, Муссолини был арестован и доставлен под усиленной охраной в горный туристский отель «Кампо императоре», расположенный в труднодоступной местности близ местечка Аbruццо. Новый итальянский премьер-министр маршал Бадольо изъявил готовность вести с англо-американцами переговоры о выходе Италии из войны. Это взбесило Гитлера, и он решил во что бы то ни стало выкрасть Муссолини, чтобы с его помощью заставить итальянцев продолжать сопротивление хотя бы

в северной части страны. Добраться в отель «Кампо императоре» снизу можно было только по подвесной дороге, подступы к которой бдительно охранялись. Другой путь был с воздуха. Его и избрала гитлеровская секретная служба.

Осуществление операции Гитлер возложил на штурмбанфюрера СС Отто Скорцени. У него на счёту было уже немало диверсий и кровавых операций. Убийство в 1934 году австрийского канцлера Дольфуса, арест во время «аншлюса» Австрии президента Микласа и канцлера Шушнига, зверские расправы над мирными жителями Югославии и Советского Союза — все это дело рук Скорцени и его банды.

Скорцени пользовался особой благосклонностью Гитлера и быстро продвигался по служебной лестнице. К 1943 году он был уже секретным шефом эсэсовских террористов и диверсантов в VI отделе Главного управления имперской безопасности. Он пользовался особым доверием главаря СД^[1] кровавого палача Эрнста Кальтенбруннера.

Поручая Скорцени осуществить операцию «Дуб» — вызволение Муссолини, Гитлер не ошибся в выборе. Несмотря на все сложности обстановки, Скорцени добился своего. Вместе с группой, состоявшей из 106 опытных диверсантов, Скорцени на планёрах особой конструкции неожиданно приземлился возле отеля «Кампо-императоре», обезоружил растерявшуюся охрану, освободил «дуче» и на специальном самолёте «Физелер Шторьх» вывез его в Германию. Геббельсовская пропаганда выжала из «операции Аbruццо» все что можно. Вокруг имени Скорцени поднялась невероятная шумиха. Его окружили ореолом мистической легенды, перевозносили как идола германской расы.

Неудивительно, что, когда разрабатывался план диверсии против участников Тегеранской конференции, окрещённый кодовым названием «Дальний прыжок», выбор снова пал на Скорцени. Но тут любимцу Гитлера удача изменила.

Узнав от фон Ортеля о готовящейся диверсии, Кузнецов поспешил в отряд Медведева. Там была составлена радиограмма, которая вместе со сделанным Кузнецовым словесным портретом фон Ортеля сразу же полетела по эфиру в Москву. Эта радиограмма подтверждала аналогичную информацию, полученную советской разведывательной службой из других источников. Немедленно были приняты необходимые меры, чтобы обезвредить нацистских диверсантов. Но всё же надо было соблюдать величайшую бдительность и осторожность, чтобы обезопасить участников тегеранской встречи, поскольку нацисты могли иметь и другие варианты покушения.

В то время иранская столица кишмя кишела беженцами из разорённой войной Европы. Это были, главным образом, состоятельные люди,

стремившиеся избавиться себя от неудобств ограничений, а главное от опасности войны. Они сумели перевести изрядную часть своих капиталов в Тегеран и жили там вольготно. Их можно было видеть в роскошных автомобилях на улицах города, в дорогих ресторанах и магазинах.

Тогда как в большинстве стран, участвовавших в войне, не говоря уже об оккупированных гитлеровцами территориях, люди терпели всевозможные лишения, в невоюющих государствах лица, обладающие капиталами, могли иметь фактически всё, что им вздумается. Тегеранский рынок поражал в те скудные годы богатством и разнообразием товаров. Их какими-то неведомыми путями доставляли сюда со всех концов света. Торговцы запрашивали баснословные цены. Хотя война непосредственно не захватила Иран, она привела к сильнейшей инфляции: цена мешка муки превысила средний годовой доход иранца. Но в Тегеране в то время находилось немало людей, которые сорили деньгами и жили в своё удовольствие.

Среди массы беженцев было и множество гитлеровских агентов. Широкие возможности для них в Иране создавались не только своеобразными условиями этой страны, но и тем покровительством, которое в последние годы оказывал немцам старый Реза-шах, открыто симпатизировавший Гитлеру. Правительство Реза-шаха создало для немецких коммерсантов и предпринимателей весьма благоприятную обстановку, которой в полной мере воспользовалась гитлеровская разведка, насадив в Иране своих резидентов. Когда же после начала войны в Иран хлынула полна беженцев, гестапо воспользовалось этим, чтобы усилить свою агентуру в этой стране, игравшей важную роль как перевалочный пункт для англо-американских поставок в Советский Союз. И не случайно престарелому Реза-шаху пришлось отречься от престола и ретироваться в Южную Африку, прежде чем создались условия для дружественных отношений между Ираном и участниками антигитлеровской коалиции.

1

СД — служба безопасности.

Но и после этого гитлеровская агентура продолжала тайно действовать в Иране, и это делало вполне реальной опасность всякого рода провокаций. Гитлеровцы заранее позаботились о том, чтобы сохранить в Иране свою тайную агентуру. Ею руководили опытные офицеры секретной службы. Один из них, Шульце-Хольтус, занимая пост германского генерального консула в Тавризе, в действительности был резидентом «абвера» (военной разведки). Когда правительство Ирана

приняло решение о высылке из страны представителей гитлеровской Германии, Шульце-Хольтус не репатриировался вместе с другими немецкими дипломатами. Он скрылся и на протяжении нескольких лет жил на нелегальном положении.

Отрастив бороду, покрасив её хной и напялив одежду муллы, Шульце-Хольтус рыскал по стране, вербуя агентов в среде местных реакционеров. Летом 1943 года, когда Шульце-Хольтус обосновался у кашкайских племён в районе Исфагани, к нему была сброшена группа парашютистов с радиопередатчиком, что позволило Шульце-Хольтусу установить двустороннюю радиосвязь с Берлином. Это были люди из специальной школы Отто Скорцени. Они привезли с собой большое количество оружия, взрывчатку и золотые слитки для подкупа местной агентуры.

Шульце-Хольтус поддерживал также контакт с тайным гестаповским резидентом, орудовавшим в районе Тегерана. Это был некий Майер из СД. Уйдя в подполье одновременно с Шульце-Хольтусом, Майер в течение трёх месяцев скрывался на армянском кладбище в Тегеране: преобразился в иранского батрака и работал могильщиком. Потом, развернув полую шпионскую сеть, Майер подстрекал кочевые племена Ирана к восстаниям против центрального правительства, организовывал диверсии и акты саботажа. Он поддерживал радиосвязь с Берлином, и незадолго до Тегеранской конференции к нему, в район иранской столицы, были сброшены шесть парашютистов-диверсантов.

Все эти, ставшие теперь известными, факты говорят о том, что Тегеран был одним из центров шпионской сети держав фашистской «оси» на Среднем Востоке. Когда речь зашла о необходимости принятия серьёзных мер для обеспечения безопасности Большой тройки, представитель американской секретной службы Майкл Рейли также разделял убеждение советской разведки. Он, в свою очередь, отметил, что, несмотря на все предосторожности и уже принятые меры, среди тысяч беженцев, нахлынувших в Тегеран из Европы, остались ещё десятки нацистских агентов.

В советском посольстве

Рузвельт вначале отклонил приглашение остановиться в советском посольстве. Он объяснял, что чувствовал бы себя более независимым, не будучи чьим-то гостем. Кроме того, он уже раньше отклонил приглашение, полученное от англичан, и мог теперь обидеть их, приняв приглашение русских. Но в конечном счёте соображения удобства, а главное, безопасности всех участников встречи побудили его согласиться. Это обстоятельство американцы особенно подчёркивали. Они ссылались, в частности, на посла США в Москве Аверелла Гарримана, который, помимо всего прочего, указал Рузвельту на то, что

случись что-либо с английским или советским представителями на пути в американскую миссию, президент сам счёл бы себя ответственным, если бы отклонил предложение русских.

Приняв предложение поселиться в советском посольстве, президент США, судя по всему, потом не жалел об этом. Большое удобство для Рузвельта, которому из-за болезни^[2] было трудно передвигаться, состояло также и в том, что его комнаты выходили прямо в большой зал, где происходили пленарные заседания конференции.

Вернувшись в Вашингтон, президент Рузвельт сделал 17 декабря 1943 года на пресс-конференции специальное заявление о том, что он остановился в Тегеране в советском посольстве, а не в американском, поскольку Сталину стало известно о германском заговоре. Маршал Сталин, добавил Рузвельт, сообщил, что, возможно, будет организован заговор с целью покушения на жизнь всех участников конференции. Он просил меня остановиться в советском посольстве с тем, чтобы избежать необходимости поездок по городу.

2

Ф. Д. Рузвельт страдал параличом обеих ног.

Президент заявил далее, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, как мы проезжали бы по улицам Тегерана, поскольку советское и американское посольства отделены друг от друга расстоянием примерно в полтора километра.

С нашей стороны сделали все, чтобы пребывание американского президента в советском посольстве было удобным и приятным. В апартаментах Рузвельта американцы могли распоряжаться по своему усмотрению. Питанием президента, как обычно, ведали его собственные повара и официанты — филиппинцы, состоявшие на службе в военно-морском флоте США, но всегда находившиеся при Белом доме и прибывшие в Тегеран вместе с Рузвельтом.

Остальные члены американской делегации, а также технический персонал жили в миссии США и каждый день приезжали оттуда на заседания.

Советская делегация в составе И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова разместилась неподалёку от главного здания в небольшом двухэтажном особняке — квартире советского посла в Иране.

Для технического персонала советской делегации было отведено помещение, где в прошлом находился гарем персидского вельможи. Одноэтажный дом в виде вытянутого прямоугольника обрамляла терраса с мавританскими колоннами. Каждая из многочисленных комнат имела две двери: на террасу и во внутренний длинный коридор. Перед зданием был квадратный бассейн.

Но подробности, связанные с историей этой усадьбы, я узнал позже. Когда с аэродрома нас с Миллером привезли в бывший гарем, он выглядел отнюдь не романтично: кипы папок и досье, разбросанные по столам канцелярские принадлежности, раскладушки, в беспорядке расставленные по комнатам и накрытые серыми армейскими одеялами...

Не было времени и для знакомства с экзотическим парком: меня предупредили, что в два часа дня состоятся переговоры Сталина с Рузвельтом, где я должен переводить. Правда, мне удалось наскоро перекусить в оборудованной в соседнем флигеле скромной столовой для технического персонала.

Спустя десять минут я, схватив блокнот, побежал в главное здание.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Встреча со Сталиным

Мне уже не раз приходилось выполнять роль переводчика И. В. Сталина. В Москве я присутствовал на многих его встречах с Черчиллем, государственным секретарём США Корделлом Хэллом, Антони Иденом, тогдашним министром иностранных дел Англии, Авереллом Гарриманом, специальным представителем президента США, а позднее — американским послом в Москве.

Но всякий раз, когда предстояло увидеть Сталина, меня охватывало волнение. Насколько я мог заметить, даже те, кто работал с ним на протяжении долгих лет, чувствовали себя скованно, держались напряжённо в его присутствии. А у нас, людей молодого поколения, для этого было ещё больше оснований. С детства нас приучили смотреть на него как на мудрого и великого вождя, все видящего и знающего наперёд. На портретах и в бронзовых изваяниях, в мраморных монументах мы привыкли видеть его возвышающимся над всеми, и наше юношеское воображение дорисовывало высокое, стройное, почти мифическое существо. Естественно, что в моей памяти навсегда врезался день, когда я впервые увидел Сталина.

Это было в сентябре 1941 года, на позднем обеде в Кремле, устроенном по случаю приезда в Москву англо-американской миссии по

военному снабжению во главе с лордом Бивербруком и Авереллом Гарриманом. Все, кто имел непосредственное отношение к переговорам с этой первой миссией западных союзников, собрались в половине восьмого вечера в Екатерининском зале Кремля. Старинное убранство этого зала всегда поражало знатных иностранных гостей. Роскошная мебель XVIII века, кресла и диваны с вензелями Екатерины II, муаровые зелёные обои, старинные картины в тяжёлых золочёных рамах, фарфор и столовое серебро — вся эта необычайная роскошь озадачивала, видимо, многих представителей западного мира, которые впервые попадали в страну большевиков.

Сначала в зале было оживлённо. Разбившись на группы, все громко разговаривали. Но по мере того как время приближалось к восьми — на этот час был назначен обед, — присутствующие все чаще поглядывали на высокую, украшенную позолотой и резьбой дверь, откуда должен был выйти Сталин. Атмосфера как-то сама собой становилась всё более сдержанной, а в последние минуты в зале воцарилась тишина.

Наконец дверь открылась. Все обернулись, но это был не он. Вошли двое военных из правительственной охраны. Один занял позицию справа от двери, другой медленно пересёк зал и остановился в противоположном углу. Все взгляды опять устремились на дверь. Никто не прерывал молчания. Но вот дверь снова отворилась, и появился Сталин.

При виде Сталина я ощутил какой-то внутренний толчок. Он был совсем не такой, каким я его себе представлял. Ниже среднего роста, сильно исхудавший, с землистым усталым лицом, изрытым оспой. Тогда на нём не было ни блестящей маршальской формы, ни золотых погон, ни звёзд Героя. Китель военного покроя висел на его сухощавой фигуре. Бросалось в глаза, что одна рука у него короче другой — почти вся кисть пряталась в рукаве.

То были самые тяжёлые дни войны, когда гитлеровские полчища безудержно рвались в глубь нашей страны, приближались к Москве, Ленинграду, захватили Киев. Нашим самоотверженно сражавшимся частям, вынужденном все дальше отступать, порой не хватало даже винтовок и патронов. Несомненно, бремя тяжёлой ответственности и неудач наложило на облик Сталина свой отпечаток.

Сталин медленно обошёл выстроившихся в длинный ряд гостей, с каждым поздоровался за руку. Пройдя весь ряд до конца, Сталин повернул обратно, неслышно ступая мягкими кавказскими сапогами по толстому ковру. Он остановился недалеко от меня и заговорил с каким-то военным из отдела внешних сношений. Произносил он слова очень тихо, медленно, со специфическим грузинским акцентом. Я искоса поглядывал на него, стараясь совладать с нахлынувшими на меня

чувствами: вот он какой — Сталин — внешне совсем обыкновенный, даже неприметный человек...

Теперь, перед встречей Сталина с Рузвельтом, я старался быть как можно более собранным. Чтобы переводить Сталина, требовалось большое напряжение всех сил. Он говорил тихо, с акцентом, а о том, чтобы переспросить, нечего было и думать. Приходилось мобилизовать все внимание, чтобы мгновенно уловить сказанное и тут же воспроизвести на английском языке. К тому же надо было записывать все сказанное во время переговоров. Спасало лишь то, что Сталин говорил размеренно, делая после каждой фразы паузу для перевода.

В обязанности переводчика входило также составление официального протокола. Его надо было продиктовать стенографистке, а затем составить проект краткой телеграммы. Эту телеграмму Сталин лично просматривал и корректировал. Если переговоры происходили в Москве, то телеграмма направлялась шифром советским послам в Лондоне и Вашингтоне. В данном же случае такая информационная телеграмма посылалась также в Москву оставшимся там членам Политбюро.

Сейчас во многих странах уже накоплен большой опыт синхронного устного перевода. Имеются высококвалифицированные кадры. Они широко используются на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, на различных международных совещаниях и встречах. Но в то время, по крайней мере в нашей стране, специалистов в этой области не было. В наркомате иностранных дел лишь несколько человек привлекалось к переводам при встречах на высшем уровне. В. Н. Павлову и мне приходилось совмещать роль переводчика с основной работой в наркомате. Правда, это имело свои плюсы, так как мы были обычно в курсе обсуждавшихся политических проблем. Но зато оставалось мало времени для совершенствования языковых знаний. Между тем, устный перевод при дипломатических переговорах требует особых профессиональных навыков, сноровки, большой сосредоточенности. Надо постоянно пополнять языковые знания, непрерывно наращивать запас слов. Необходимо также хорошо знать скоропись, уметь быстро расшифровывать текст после беседы и определить самое главное при составлении краткого отчёта.

Специальной подготовки для выполнения всей этой работы у меня лично не было, и я старался совершенствоваться по ходу дела.

Меня всегда поражали упорство и настойчивость В. Н. Павлова. В то время он вёл референтуру по всей области англо-советских отношений. Текущих дел, естественно, было очень много. Рабочий наш день продолжался обычно 14–16 часов с небольшим перерывом от восьми до десяти вечера. Но Павлов не упускал ни одной минуты для пополнения своих языковых знаний.

Диалог двух лидеров

На беседе, о которой идёт речь, кроме Сталина, Рузвельта и меня, переводчика, никто больше не присутствовал. Рузвельт предупредил, что будет один, без Чарльза Болена, который обычно выполнял роль переводчика американской делегации. Видимо, Рузвельт решил не брать никого с собой, чтобы атмосфера беседы была более доверительной. Мне предстояло переводить всю беседу одному.

Когда я вошёл в комнату, примыкавшую к залу пленарных заседаний конференции, там уже находился Сталин в маршальской форме. Поздоровавшись, я подошёл к низенькому столику, вокруг которого стояли диван и кресла, и положил там блокнот и карандаш. Сталин медленно прошёлся по комнате, вынул из коробки с надписью «Герцоговина флор» папиросу, закурил. Прищурившись, посмотрел на меня, спросил:

— Не очень устали с дороги? Готовы переводить? Беседа будет ответственной.

— Готов, товарищ Сталин. За ночь в Баку хорошо отдохнул. Чувствую себя нормально.

Сталин подошёл к столику, положил на него коробку с папиросами. Зажёг спичку и раскурил потухшую папиросу. Затем, медленным жестом загасив спичку, указал ею на диван и сказал:

— Здесь, с краю, сяду я. Рузвельта привезут в коляске, пусть он расположится слева от кресла, где будете сидеть вы.

— Ясно, — ответил я.

Сталин снова стал прохаживаться по комнате, погрузившись в размышления. Через несколько минут дверь открылась и слуга-филиппинец вкатил коляску, в которой, тяжело опираясь на подлокотники, сидел улыбающийся Рузвельт.

— Хэлло, маршал Сталин, — бодро произнёс он, протягивая руку. — Я, кажется, немного опоздал, прошу прощения.

— Нет, вы как раз вовремя, — возразил Сталин. — Это я пришёл раньше. Мой долг хозяина к этому обязывает, всё-таки вы у нас в гостях, можно сказать, на советской территории...

— Я протестую, — рассмеялся Рузвельт. — Мы ведь твёрдо условились встретиться на нейтральной территории. К тому же тут моя резиденция. Это вы мой гость.

— Не будем спорить, лучше скажите, хорошо ли вы здесь устроились, господин президент. Может быть, что требуется?

— Нет, благодарю, все в порядке. Я чувствую себя как дома.

— Значит, вам здесь нравится?

— Очень вам благодарен за то, что вы предоставили мне этот дом.

— Прошу вас поближе к столу, — пригласил Сталин.

Перед тем как отправиться на эту встречу двух лидеров, я очень беспокоился — справлюсь ли со своей задачей? Смогу ли с первого раза понять всё, что будет говорить Рузвельт, и тут же передать это по-русски его собеседнику? Ведь у многих американцев очень своеобразное произношение, а некоторые из них пересыпают свою речь образными и даже жаргонными выражениями, так что не сразу схватываешь смысл сказанного. Но всё прошло благополучно. Рузвельт говорил чётко, внятно, несколько растягивая слова, короткими фразами, часто делал паузы. Видимо, у него был свой немалый опыт общения через переводчика...

Слуга-филиппинец подкатил коляску в указанное место, развернул её, затянул тормоз на колесе и вышел из комнаты. Сталин предложил Рузвельту папиросу, но тот, поблагодарив, отказался, вынул свой портсигар, вставил длинными тонкими пальцами сигарету в изящный мундштук и закурил.

— Привык к своим, — сказал Рузвельт, обезоруживающе улыбнулся и, как бы извиняясь, пожал плечами. — А где же ваша знаменитая трубка, маршал Сталин, та трубка, которой вы, как говорят, выкуриваете своих врагов?

Сталин хитро улыбнулся, прищурился.

— Я, кажется, уже почти всех их выкурил. Но говоря серьёзно, врачи советуют мне поменьше пользоваться трубкой. Я всё же её захватил сюда и, чтобы доставить вам удовольствие, возьму с собой её в следующий раз.

— Надо слушаться врачей, — серьёзно сказал Рузвельт, — мне тоже приходится это делать...

— У вас есть предложения по поводу повестки дня сегодняшней беседы? — перешёл Сталин на деловой тон.

— Не думаю, что нам следует сейчас чётко очерчивать круг вопросов, которые мы могли бы обсудить. Просто можно было бы ограничиться

общим обменом мнениями относительно нынешней обстановки и перспектив на будущее. Мне было бы также интересно получить от вас информацию о положении на советско-германском фронте.

— Готов принять ваше предложение, — сказал Сталин. Он размеренным движением взял коробку «Герцоговины флор», раскрыл её, долго выбирал папиросу, как будто они чем-то отличались друг от друга, закурил. Затем, неторопливо произнося слова, продолжал. — Что касается положения у нас на фронте, то основное, пожалуй, в том, что в последнее время наши войска оставили Житомир — важный железнодорожный узел.

— А какая погода на фронте? — поинтересовался Рузвельт.

— Погода благоприятная только на Украине, а на остальных участках фронта — грязь и почва ещё не замёрзла.

— Я хотел бы отвлечь с советско-германского фронта 30–40 германских дивизий, — сочувственно сказал Рузвельт.

— Если это возможно сделать, то было бы хорошо.

— Это один из вопросов, по которому я намерен дать свои разъяснения в течение ближайших дней здесь же, в Тегеране. Сложность в том, что перед американцами стоит задача снабжения войск численностью в два миллиона человек, причём находятся они на расстоянии трёх тысяч миль от американского континента.

— Тут нужен хороший транспорт, и я вполне понимаю ваши трудности.

— Думаю, что мы эту проблему решим, так как суда в Соединённых Штатах строятся удовлетворительным темпом.

Коснувшись недавних волнений в Ливане, Сталин спросил, не знает ли Рузвельт, каковы причины этих волнений и кто тут виноват. Рузвельт ответил но сразу. Сняв пенсне, он протёр стекла белым платком, торчавшим из нагрудного кармана, снова закрепил пенсне на переносице. Наконец, сказал, как бы размышляя вслух:

— Думаю, что виноват французский национальный комитет. Англичане и французы гарантировали независимость Ливана, и ливанцы получили свою конституцию и президента. Затем они захотели немного изменить конституцию. Однако французы отказали им в этом и арестовали президента и кабинет министров. Сейчас в Ливане все в порядке, там наступило спокойствие...

В ходе беседы Сталин и Рузвельт коснулись многих вопросов и проблем. Рузвельт, в частности, в общих чертах развивал мысль о

послевоенном сотрудничестве между Соединёнными Штатами и Советским Союзом. Сталин приветствовал эту идею и отметил, что после окончания войны Советский Союз будет представлять собой большой рынок для Соединённых Штатов. Рузвельт с интересом воспринял это заявление и подчеркнул, что американцам после войны потребуется большое количество сырья, и поэтому он думает, что между нашими странами будут существовать тесные торговые связи. Сталин заметил, что если американцы будут поставлять нам оборудование, то мы им сможем поставлять сырьё.

Далее речь зашла о будущем Франции. Рузвельт заявил, что де Голль ему не нравится, в то время как генерала Жиро он считает очень симпатичным человеком и хорошим генералом. Рузвельт сообщил также, что американцы вооружают 11 французских дивизий, и коснулся в этой связи положения во Франции и настроений различных слоёв населения этой страны.

— Французы, — заметил Рузвельт, — хороший народ, но им нужны абсолютно новые руководители не старше 40 лет, которые не занимали никаких постов в прежнем французском правительстве.

Сталин высказал мнение, что на такие изменения потребуется много времени. Что же касается некоторых нынешних руководящих слоёв во Франции, продолжал он, то они, видимо, думают, что союзники преподнесут им Францию в готовом виде, и не хотят воевать на стороне союзников, а предпочитают сотрудничать с немцами. При этом французский народ не спрашивают.

Рузвельт заметил, что, по мнению Черчилля, Франция полностью возродится и скоро станет великой державой.

— Но я не разделяю этого мнения, — продолжал Рузвельт. — Думаю, что пройдёт много лет, прежде чем это случится. Если французы полагают, что союзники преподнесут им готовую Францию на блюде, то они ошибаются. Французам придётся много поработать, прежде чем Франция действительно станет великой державой...

За этими замечаниями американского президента скрывались серьёзные разногласия между Соединёнными Штатами и Англией по вопросу о том, кто должен осуществлять власть на освобождённой территории Северной Африки, а потом, после высадки в Нормандии, и в самой Франции. Как выяснилось впоследствии, Соединённые Штаты, осуществившие высадку в Северной Африке, рассчитывали установить своё военное и политическое господство не только над этой территорией, но и над всем французским движением Сопротивления с тем, чтобы в дальнейшем получить точку опоры на европейском континенте — во Франции. В Северной Африке Вашингтон делал ставку

на сотрудничавшего ранее с немцами адмирала Дарлана в противовес генералу де Голлю, который находился тогда в Лондоне и возглавлял Национальный комитет Сражающейся Франции.

В опубликованных в 1965 году мемуарах Идеи писал: «Мой парламентский заместитель Ричард Лоу сообщил из Вашингтона о своём разговоре с Сэмнером Уэллесом (заместителем государственного секретаря), который сильно тревожился из-за генерала де Голля. По мнению Уэллеса, нам скоро придётся порвать связи с ним. Когда Лоу возразил, что это было бы тяжёлым ударом для французской общественности, Уэллес с ним согласился, но, по-видимому, всё-таки остался при своём убеждении, что мы, возможно, будем вынуждены пойти на это. Если де Голль вступит во Францию вместе с оккупационными войсками и сформирует правительство, его уже не удастся отстранить от власти».

После убийства адмирала Дарлана американцы сделали ставку в Северной Африке на генерала Жиро. Идеи продолжал: «Несмотря на все меры, которые я мог принять в Лондоне, а Макмиллан в Алжире, организовать встречу генерала де Голля с генералом Жиро оказалось делом нелёгким. Американская политика усугубила связанные с этим трудности. Правительство Соединённых Штатов всё ещё было против создания единой французской власти до высадки союзников во Франции... Оно также по-прежнему относилось подозрительно и враждебно к генералу де Голлю. Оно побаивалось его активного и энергичного характера и склонно было преуменьшать поддержку, которую голлизм получал от движения Соппротивления во Франции».

В конце концов Вашингтону всё же пришлось пойти на примирение с генералом де Голлем, который получил возможность отправиться во Францию вскоре после высадки союзников в Нормандии. Но характер отношений, который складывался тогда между американцами и де Голлем, несомненно сыграл свою роль в будущем.

На первой беседе Рузвельта со Сталиным выявился различный подход Соединённых Штатов и Англии также и в отношении будущего колониальных владений. Рузвельт много говорил о необходимости нового подхода к проблеме колониальных и зависимых стран после войны. Может быть, он искренне думал о возможности предоставления им постепенно самоуправления и в конечном счёте независимости — тема, к которой американский президент вновь и вновь возвращался в дни Тегеранской конференции. Но выступая таким образом, он вольно или невольно отражал интересы тех кругов США, которые под прикрытием разговоров о пересмотре статуса колониальных владений европейских капиталистических держав готовили почву для проникновения США в колониальные страны.

В этом отношении показателен разговор, который произошёл на эту тему во время первой встречи между Сталиным и Рузвельтом в Тегеране. Касаясь будущего Индокитая, Рузвельт сказал, что можно было бы назначить трёх-четырёх попечителей и через 30–40 лет подготовить народ Индокитая к самоуправлению. То же самое, заметил он, верно в отношении других колоний.

— Черчилль, — продолжал президент, — не хочет решительно действовать в отношении осуществления этого предложения о попечительстве, так как он боится, что этот принцип придётся применить и к английским колониям. Когда наш государственный секретарь Хэлл был в Москве, он имел при себе составленный мною документ о создании Международной комиссии по колониям. Эта комиссия должна была бы инспектировать колониальные страны с целью изучения положения в этих странах и возможных улучшений их положения. Вся работа этой комиссии была бы предана широкой гласности...

Сталин поддержал идею создания такой комиссии и заметил, что к ней можно было бы обращаться с жалобами, просьбами и так далее. Рузвельт был явно доволен реакцией советской стороны, но не скрывал своего беспокойства по поводу возможного отношения Черчилля. Он даже предупредил Сталина, что в разговоре с британским премьером лучше не касаться Индии, так как, насколько ему, Рузвельту, известно, у Черчилля нет сейчас никаких мыслей в отношении Индии. Черчилль намерен вообще отложить этот вопрос до окончания войны.

— Индия — это больное место Черчилля, — заметил Сталин.

— Это верно, — согласился Рузвельт. — Однако Англии так или иначе придётся что-то предпринять в Индии. Я надеюсь как-нибудь переговорить с вами подробнее об Индии, имея при этом в виду, что люди, стоящие в стороне от вопроса об Индии, могут лучше разрешить этот вопрос, чем люди, имеющие непосредственное отношение к данному вопросу...

На этот зондаж Сталин реагировал осторожно. Он ограничился лишь замечанием, что люди, стоящие в стороне от Индии, смогут подойти более объективно.

Рузвельт взглянул на часы. До официального открытия конференции, назначенного на 16 часов, оставалось мало времени.

— Думаю, нам пора заканчивать, — сказал Рузвельт. — Надо немного отдохнуть и собраться с мыслями перед пленарным заседанием. Мне кажется, у нас состоялся очень полезный обмен мнениями, и вообще мне было очень приятно познакомиться и откровенно побеседовать с вами.

— Мне тоже было очень приятно, — ответил Сталин и, поднявшись, слегка поклонился Рузвельту.

Я вышел в соседнюю комнату позвать слугу президента. Он тут же явился и, взявшись за ручку, приделанную к спинке кресла-коляски, увёз Рузвельта в его апартаменты. Сталин прошёл в соседнюю комнату, где его ждали Молотов и Ворошилов.

За круглым столом

Пленарные заседания конференции происходили в большом зале, декорированном в стиле ампир. Посредине стоял большой круглый стол, покрытый скатертью из кремового сукна. Вокруг были расставлены обитые полосатым шёлком кресла с вычурными подлокотниками из красного дерева. В центре стола — деревянная подставка с государственными флагами трёх держав — участниц конференции. Перед каждым креслом на столе лежали блокноты и отточенные карандаши. Непосредственно у стола занимали место главные члены делегаций и переводчики. Остальные делегаты и технический персонал размещались на стульях, стоявших симметричными рядами позади кресел.

Самой малочисленной была советская делегация. В неё, как уже сказано, входили И. В. Сталин, В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов; Соединённые Штаты и Англию представляли более крупные делегации. Вот их состав:

От Соединённых Штатов: президент Ф. Д. Рузвельт, специальный помощник президента Г. Гопкинс, посол США в СССР А. Гарриман, начальник штаба армии США генерал Д. Маршалл, главнокомандующий военно-морскими силами США адмирал Э. Кинг, начальник штаба военно-воздушных сил США генерал Г. Арнольд, начальник снабжения армии США генерал Б. Сомэрвэлл, начальник штаба президента адмирал У. Леги, начальник военной миссии США в СССР генерал Р. Дин.

От Великобритании: премьер-министр У. Черчилль, министр иностранных дел А. Идеи, посол Англии в СССР А. Керр, начальник имперского Генерального штаба генерал А. Брук, фельдмаршал Д. Дилл, первый морской лорд адмирал флота Э. Кеннингхэм, начальник штаба военно-воздушных сил Великобритании главный маршал авиации Ч. Портал, начальник штаба министра обороны генерал Х. Исмей, начальник военной миссии Великобритании в СССР генерал Г. Мартель.

За столом справа от Черчилля сидел его личный переводчик — майор Бирз. Рядом с Рузвельтом — также в качестве переводчика — Чарльз Болен. Он работал тогда первым секретарём посольства Соединённых Штатов в Москве. От советской делегации в первом ряду сидели Сталин и Молотов, а также мы с В. Н. Павловым как официальные переводчики советской делегации. Ворошилов обычно устраивался на стуле во втором ряду.

Дискуссия на пленарных заседаниях велась свободно, без заранее утверждённой повестки дня. Выступая, делегаты не пользовались никакими бумажками, а как бы высказывали вслух соображения по затронутым вопросам. Поэтому дискуссия порой перескакивала с одной темы на другую, а затем снова возвращалась к первоначальной проблеме. Стороны заранее условились, что на первом пленарном заседании председательствовать будет Рузвельт. Он выполнил эту обязанность с блеском. Несомненно, здесь сказался его многолетний опыт руководителя крупной партийной машиной США.

Первое пленарное заседание открылось в 16 часов 28 ноября. Продолжалось оно три с половиной часа. Открывая заседание, президент Рузвельт сказал:

— Как самый молодой из присутствующих здесь глав правительств я хотел бы позволить себе высказаться первым. Я хочу заверить членов новой семьи — собравшихся за этим столом членов настоящей конференции — в том, что мы все собрались здесь с одной целью, с целью выиграть войну как можно скорее...

Далее Рузвельт сделал несколько замечаний о ведении конференции.

— Мы не намерены, — заявил он, — опубликовывать ничего из того, что будет здесь говориться, но мы будем обращаться друг к другу, как друзья, открыто и откровенно...

Несомненно, принятое участниками Тегеранской конференции взаимное обязательство ничего не публиковать из того, что там говорилось, способствовало свободному обмену мнениями и помогло каждой из сторон лучше понять позицию партнёров. Все это облегчило также создание атмосферы, которая позволила, несмотря на коренные различия в общественно-политическом строе Советского Союза, с одной стороны, и Соединённых Штатов и Англии — с другой, осуществить плодотворное сотрудничество трёх держав в борьбе против общего врага, укрепить на этом этапе единство антигитлеровской коалиции.

После войны правящие круги западных держав, затеяв антисоветскую пропагандистскую кампанию, в нарушение взятого ими на себя обязательства не предавать гласности материалы тегеранской встречи, односторонне опубликовали многочисленные документы и мемуары об этой конференции, цель которых состояла в том, чтобы фальсифицировать политику Советского Союза, исказить его позицию по важнейшим проблемам периода второй мировой войны. В связи с этим в 1961 году в Москве были опубликованы советские записи бесед и заседаний на Тегеранской конференции.

Но тогда, в день открытия Тегеранской конференции, слова Рузвельта о соблюдении секретности звучали как торжественная клятва.

Говоря дальше о порядке работы конференции, американский президент заявил, что штабы делегаций могут рассматривать военные вопросы отдельно, а сами делегации могли бы тем временем обсудить и другие проблемы, например проблемы послевоенного устройства.

— Я думаю, — сказал Рузвельт в заключение, — что это совещание будет успешным и что три нации, объединившиеся в процессе нынешней войны, укрепят связи между собой и создадут предпосылки для тесного сотрудничества будущих поколений...

Прежде чем перейти к практической работе, Рузвельт поинтересовался, не желают ли Черчилль и Сталин сделать заявления общего порядка о важности этой встречи и о том, что означает она для всего человечества.

Черчилль сразу же поднял правую руку, прося слова. Говорил он очень чётко, размеренно, произнося слово за словом, подобно тому, как каменщик кладёт кирпичи. Делая паузы для перевода, он беззвучно шевелил губами, как бы произнося сначала про себя фразу, которую собирался затем высказать вслух. Он как бы внутренне прислушивался к её звучанию. Потом, убедившись, что подобраны нужные слова, он снова чеканил их своим хорошо поставленным голосом профессионального оратора. Подчёркивая торжественность минуты, он встал из-за стола и отодвинул кресло, чтобы дать простор своей грузной фигуре.

— Эта встреча, — сказал Черчилль, — пожалуй, представляет собой величайшую концентрацию мировой мощи, которая когда-либо существовала в истории человечества. В наших руках решение вопроса о сокращении сроков войны, о завоевании победы, о будущей судьбе человечества. Я молюсь за то, чтобы мы были достойны замечательной возможности, данной нам богом, — возможности служить человечеству...

Окинув взором всех присутствовавших, Черчилль медленно погрузился в кресло.

Обращаясь к главе советской делегации, Рузвельт спросил, не желает ли он что-либо сказать. Не вставая с места, Сталин заговорил. В зале наступила тишина. Может, потому, что большинство присутствовавших впервые услышали голос Сталина. А может быть, из-за того, что он говорил совсем негромко. Он сказал:

— Приветствуя конференцию представителей трёх правительств, я хотел бы сделать несколько замечаний. Я думаю, что история нас

балует. Она дала нам в руки очень большие силы и очень большие возможности. Я надеюсь, что мы примем все меры к тому, чтобы на этом совещании в должной мере, в рамках сотрудничества, использовать ту силу и власть, которые нам вручили наши народы. А теперь давайте приступим к работе...

Рузвельт кивком головы подтвердил своё согласие. Потом обвёл взглядом всех участников конференции, как бы приглашая их к первому деловому выступлению. Но никто не изъявил такого желания. Тогда президент открыл лежавшую перед ним чёрную папку, полистал находившиеся в ней бумаги, немного откашлялся и сказал:

— Может быть, мне начать с общего обзора военных действий и нужд войны в настоящее время. Я, конечно, буду говорить об этом с точки зрения Соединённых Штатов. Мы, так же как и Британская империя и Советский Союз, надеемся на скорую победу. Я хочу начать с обзора той части войны, которая больше касается Соединённых Штатов, чем Советского Союза и Великобритании. Я говорю о войне на Тихом океане, где Соединённые Штаты несут основное бремя войны, получая помощь от австралийских и новозеландских войск...

Президент Рузвельт сделал краткий обзор военного положения в этой части земного шара. Более конкретно он коснулся операций в районе Бирмы, сообщив о планах освобождения от японцев северной части этой страны. Все эти мероприятия намечались, по словам Рузвельта, с целью оказания помощи Китаю в войне, открытия бирманской дороги и обеспечения позиций, с которых можно было бы нанести поражение Японии как можно скорее после того, как будет разгромлена Германия. Затем президент кратко обрисовал положение на Европейском театре военных действий.

Сделав обзор военных действий, Рузвельт как бы задал тон. После него с обзора положения на фронте начал свою речь Сталин.

Глава советской делегации приветствовал успехи Соединённых Штатов в районе Тихого океана. Он добавил, что в настоящее время Советский Союз не может присоединиться к борьбе против Японии, поскольку требуется концентрация всех его сил для войны против Германии. Советских войск на Дальнем Востоке более или менее достаточно, чтобы держать оборону. Но их надо по крайней мере удвоить, прежде чем предпринять наступление. Время для присоединения к западным союзникам на Тихоокеанском театре военных действий может наступить только тогда, когда произойдёт крах Германии.

— Что касается войны в Европе, — продолжал советский представитель, — то прежде всего скажу несколько слов отчётного

характера о том, как мы вели и продолжаем вести операции со времени июльского наступления немцев. Может быть, я вдаюсь в подробности, тогда я мог бы сократить своё выступление?

— Мы готовы выслушать всё, что вы намерены сказать, — вмешался Черчилль.

Сталин продолжал:

— Я должен сказать, между прочим, что мы сами в последнее время готовились к наступлению. Немцы опередили нас. Но поскольку мы готовились к наступлению и нами были стянуты большие силы, после того как мы отбили немецкое наступление, нам удалось сравнительно быстро перейти в наступление самим. Должен сказать, что хотя о нас говорят, что мы все планируем заранее, мы сами не ожидали успехов, каких достигли в августе и в сентябре. Против наших ожиданий немцы оказались слабее, чем мы предполагали. Теперь у немцев на нашем фронте, по данным нашей разведки, имеется 210 дивизий и ещё 6 дивизий находятся в процессе переброски на фронт. Кроме того, имеется 50 не немецких дивизий, включая финнов. Таким образом, всего у немцев на нашем фронте 260 дивизий, из них до 10 венгерских, до 20 финских, до 16 или 18 румынских.?

Рузвельт поинтересовался, какова численность германской дивизии. Советский делегат пояснил, что вместе со вспомогательными силами немецкая дивизия состоит примерно из 12–13 тысяч человек. Он добавил, что с советской стороны на фронте действуют от 300 до 330 дивизий.

Перейдя к последним событиям на советско-германском фронте, Сталин сказал, что излишек в численности войск используется советской стороной для наступательных операций. Но поскольку мы ведём наступательные действия, по мере того как идёт время, наш перевес становится все меньше. Большую трудность представляет также то, что немцы все уничтожают при отступлении. Это затрудняет нам подвоз боеприпасов. В этом причина того, что наше наступление замедлилось.

— В последние три недели, — продолжал советский представитель, — немцы развернули наступательные операции на Украине — южнее и западнее Киева. Они отбили у нас Житомир — важный железнодорожный узел, о чём было объявлено. Должно быть, на днях они заберут у нас Коростень — также важный железнодорожный узел. В этом районе у немцев имеется 5 новых танковых дивизий и три старые танковые дивизии, всего 8 танковых дивизий, а также 22–23 пехотные и моторизованные дивизии. Их цель — вновь овладеть Киевом. Таким образом, у нас впереди возможны некоторые трудности...

— Поэтому, — сказал Сталин, — было бы очень важно ускорить вторжение союзников в Северную Францию.

Черчилль, который выступал после Сталина, сразу же обратился к планам англо-американцев, связанным с высадкой во Франции и открытием второго фронта в Европе. Этот вопрос, бесспорно, был главным на Тегеранской конференции, и вокруг него шли наиболее горячие дискуссии как на официальных совещаниях, так и на неофициальных встречах»

Немного истории

Вопрос об открытии второго фронта в Европе имел свою историю.

Известно, что с момента нападения гитлеровской Германии на Советский Союз основные силы вермахта находились на Восточном фронте. Гитлер мог это сделать потому, что на западе, да и вообще в других местах европейского континента, фактически не велось серьёзных военных действий. Всю тяжесть удара гитлеровской военной машины Советский Союз принял на себя. В немецкие вооружённые силы, действовавшие в первые дни вторжения на советско-германском фронте, входило пять с половиной миллионов человек. Всего на границах СССР были сосредоточены 181 дивизия и 18 бригад. На их вооружении находилось 48 тыс. орудий и миномётов, около 2800 танков и штурмовых орудий, 4500 самолётов и другая военная техника. Германское командование смогло собрать в один кулак такую боевую мощь, поскольку оно было избавлено от необходимости вести войну на два фронта.

В этих условиях Советский Союз был кровно заинтересован в том, чтобы его союзники активно участвовали в борьбе против общего врага и оказали Красной Армии эффективную помощь, прежде всего операциями на европейском континенте. Первые месяцы войны на советско-германском фронте были особенно благоприятны для открытия второго фронта в Западной Европе, поскольку в этом районе гитлеровцы значительно ослабили свои силы.

Следует отметить, что и некоторые английские политики сразу же после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз поддерживали идею скорейшего открытия второго фронта в Европе.

Министр иностранных дел Антони Иден заявил 30 июня 1941 года, что английские руководители «думают о десантах во Франции». Но время шло, и никаких конкретных шагов в этом отношении британское правительство не предпринимало. Те, кто помнит тяжёлое положение, в котором находилась тогда Советская страна, сражавшаяся один на один с гитлеровскими полчищами, поймёт, что бездеятельность союзников не

могла не беспокоить Советское правительство. Москва считала необходимым напоминать Лондону о его обещаниях насчёт «крупных рейдов» в Западной Европе.

В послании премьеру Черчиллю от 18 июля 1941 года глава Советского правительства Сталин писал: «Военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика)... Я представляю трудности создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Германии отвлечены на Восток и когда Гитлер ещё не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции».

Черчилль ответил на это обращение отказом, заявив, что хотя его правительство «с первого дня германского нападения на Россию рассматривало возможность наступления на оккупированную Францию и на Нидерланды», в настоящее время «начальники штабов не видят возможности сделать что-либо в таких размерах, чтобы это могло принести вам хотя бы самую малую пользу».

А тем временем гитлеровская Германия перебросила на Восточный фронт ещё 30 свежих пехотных дивизий и большое количество танков и самолётов. Гитлеровцы продолжали продвигаться на восток. Они заняли больше половины Украины, а на севере вышли на подступы к Ленинграду. Было ясно, что немецкое командование не опасалось ударов с запада.

«Немцы считают опасность на Западе блефом, — писал Сталин английскому премьеру 3 сентября 1941 года, — и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет». Советское правительство выразило настоятельное пожелание «создать уже в этом году» второй фронт, который смог бы оттянуть с Восточного фронта 30–40 немецких дивизий. Но Черчилль и на этот раз ответил отказом.

Любопытно, что, уклоняясь от каких-либо существенных операций против немцев в Западной Европе, да и в других местах, где можно было ожидать тяжёлых сражений, английское правительство было готово послать своих солдат туда, где они не подвергались бы особому риску, но зато обеспечили бы Англии известные политические и стратегические козыри. Характерна в этой связи переписка между Лондоном и Москвой относительно использования английских войск на советско-германском фронте.

Впервые эта идея была выдвинута в послании Сталина, направленном Черчиллю 13 сентября 1941 года. В этом послании Сталин предложил Англии «высадить 25–30 дивизий в Архангельске или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции», где, как известно, в первую мировую войну сражался русский экспедиционный корпус. Далее в послании говорилось: «Это была бы большая помощь. Мне кажется, что такая помощь была бы серьезным ударом по гитлеровской агрессии».

Как же реагировало на это предложение английское правительство? Устами Черчилля оно заявило, что посылка британских дивизий на советско-германский фронт «абсолютно вне наших сил». В то же время Черчилль предложил заменить советские войска английскими в Иране и послать британские соединения на Кавказ «для охраны нефтяных районов», имея в виду, что высвободившиеся советские войска перебросят на усиление фронта. Советское правительство решительно отклонило эти домогательства Черчилля. Но весь этот эпизод показателен: для несения гарнизонной службы в Иране и на Кавказе у Англии нашлись войска, а послать эти же силы на фронт, в помощь советскому союзнику — на это, видите ли, сил не было!

Возникает вопрос, была ли у Англии возможность открыть второй фронт в Европе в первые годы Великой Отечественной войны Советского Союза или такой возможности не было?

По свидетельству лорда Бивербрука, в то время английские военные руководители «постоянно проявляли нежелание предпринимать наступательные действия». Конечно, дело было не только в нежелании военных. Тут, несомненно, играли роль и определённые политические соображения. В Лондоне имелись влиятельные круги, которые рассчитывали, что Советский Союз и Германия настолько ослабят друг друга в происходившей на советско-германском фронте схватке, что Англия сможет затем легко диктовать свою волю обеим сторонам. Эти сокровенные мысли высказал вслух тогдашний министр авиационной промышленности в кабинете Черчилля Мур Брабазои. Он заявил, что «лучшим исходом борьбы на восточном фронте было бы взаимное истощение Германии и СССР, вследствие чего Англия смогла бы занять господствующее положение в Европе». Стоит напомнить и скандально известное изречение тогдашнего сенатора, впоследствии вице-президента, а затем и президента США Гарри Трумэна: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше».

Как показали дальнейшие события, подобного рода взгляды оказывали немалое влияние на позицию правящих кругов Англии и США в вопросе об открытии второго фронта в Европе.

После того как вслед за японской атакой на Пирл-Харбор гитлеровская Германия объявила 11 декабря 1941 года войну Соединённым Штатам, к дискуссии о втором фронте активно подключился и Вашингтон. Президент Рузвельт неоднократно подчёркивал, что считает важной задачей западных союзников скорейшую высадку в Западной Европе, но в США были влиятельные круги, которые всячески тормозили это дело.

Весной 1942 года был всё же подготовлен американский план вторжения в Северную Францию путём форсирования Ла-Манша в его самом узком месте и высадки на французском побережье между Кале и Гавром, восточнее устья Сены. Докладывая об этом плане Рузвельту, генерал Маршалл указывал, что «успешное наступление в этом районе явится максимальной поддержкой для русского фронта». Но уже тогда осуществление этого плана, носившего сперва кодовое название «Раундап», а затем «Оверлорд», намечалось лишь на весну 1943 года. Что же касается 1942 года, то американский Генеральный штаб предусматривал ограниченную операцию «Следжхэммер», которая к тому же должна была осуществляться лишь при следующих условиях:

«1. Положение на русском фронте станет отчаянным, то есть, если успех германского оружия будет настолько полным, что создастся угроза неминуемого краха русского сопротивления... в этом случае атаку следует рассматривать как жертву во имя общего дела.

2. Положение немцев в Западной Европе станет критичным».

Как видим, и здесь победила тактика выжидания. В то время как в 1942 году на советско-германском фронте шли ожесточеннейшие бои, в Лондоне и Вашингтоне взвешивали на аптекарских весах момент, когда западным союзникам было бы выгоднее всего вмешаться и открыть второй фронт.

Во время состоявшихся летом 1942 года англо-советских переговоров в Лондоне Советское правительство вновь поставило вопрос о необходимости ускорить вторжение в Западную Европу. Рузвельт высказался за, после чего Черчиллю пришлось отступить. Подписанное 12 июня 1942 года англо-советское коммюнике повторяло ранее согласованную в Вашингтоне формулировку, а именно: «Была достигнута полная договорённость в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году».

Казалось, что трудная задача согласования конкретного срока открытия второго фронта наконец решена. Но западные державы и на этот раз не выполнили своего обязательства. Прошёл 1942 год, кончался

год 1943, а Советский Союз все ещё вынужден был сражаться один на один с гитлеровской Германией, использовавшей военно-промышленные ресурсы и людскую силу почти всей Европы.

Когда в конце ноября 1943 года открылась Тегеранская конференция, по-прежнему не было известно, когда же появится второй фронт во Франции. Естественно поэтому, наряду с обсуждением широкого круга вопросов, стоявших на повестке дня тегеранской встречи, Советское правительство стремилось получить чёткий ответ и на вопрос о втором фронте.

«Оверлорд»

На первом же пленарном заседании Тегеранской конференции вопросу об открытии второго фронта в Европе («Оверлорд») было уделено основное внимание.

Инициативу, как уже сказано выше, проявил Сталин. Президент Рузвельт подчеркнул, что операция через Ла-Манш является очень важной и особенно интересует Советский Союз. Рузвельт сказал, что западные союзники уже на протяжении полутора лет составляют соответствующие планы, но все ещё не смогли определить срока этой операции из-за недостатка тоннажа.

— Мы хотим, — сказал президент, — не только пересечь Ла-Манш, но и преследовать противника в глубь территории. Между тем Ла-Манш — это такая неприятная полоска воды, которая исключает возможность начать экспедицию до 1 мая. Поэтому план, составленный англо-американцами в Квебеке, исходит из того, что экспедиция через Ла-Манш могла бы начаться около 1 мая 1944 года...

Сославшись на то, что любая десантная операция требует специальных судов, Рузвельт коснулся вопроса о приоритете и очерёдности тех или иных операций. Он сказал:

— Если мы будем проводить крупные десантные операции в Средиземном море, то экспедицию через Ла-Манш, возможно, придётся отложить на два или три месяца. Поэтому мы хотели бы получить ответ от наших советских коллег в этом вопросе, а также совет о том, как лучше использовать имеющиеся в районе Средиземного моря войска, учитывая, что там в то же время имеется мало судов. Мы не хотим откладывать дату вторжения через Ла-Манш дальше мая или июня месяца. В то же время имеется много мест, где могли бы быть использованы англо-американские войска: в Италии, в районе Адриатического моря, в районе Эгейского моря, наконец, для помощи Турции, если она вступит в войну. Все это мы должны здесь решить. Мы очень хотели бы помочь Советскому Союзу и оттянуть часть германских

войск с советского фронта. Мы хотели бы получить от наших советских друзей совет о том, каким образом мы могли бы лучше всего облегчить их положение.

Закончив своё выступление, Рузвельт спросил, не желает ли Черчилль что-либо добавить к сказанному.

Черчилль немного помолчал, пожевал губами и, медленно произнося слова, ответил:

— Я хотел бы просить разрешения отложить моё выступление и высказаться после того, как выскажется маршал Сталин. В то же время я в принципе согласен с тем, что сказал президент Рузвельт.

По-видимому, английский премьер, отказавшись излагать свою позицию, которая по сути дела значительно отличалась от точки зрения американского президента, хотел прощупать советских представителей, чтобы затем выдвинуть соответствующую аргументацию. Сталин разгадал манёвр Черчилля. Говоря о втором фронте, он дал понять, что советская сторона рассчитывает на высадку союзников именно в Северной Франции, причём без дальнейших оттяжек, ибо только такая операция может облегчить положение на советском фронте.

— Может быть, я ошибаюсь, — сказал Сталин, — но мы, русские, считали, что Итальянский театр важен лишь в том отношении, чтобы обеспечить свободное плавание судов союзников в Средиземном море. Мы так думали и продолжаем так думать. Что касается того, чтобы из Италии предпринять наступление непосредственно на Германию, то мы, русские, считаем, что для таких целей Итальянский театр не годится...

Пока шёл перевод на английский язык, Сталин вынул из кармана кителя кривую трубку, раскрыл коробку «Герцоговины флор», взял несколько папирос, неторопливо разломал их, высыпал табак в трубку, закурил, прищурился, оглядел всех присутствовавших. Когда его взгляд встретился с Рузвельтом, тот улыбнулся и лукаво подмигнул, давая понять, что вспомнил обещание Сталина насчёт трубки. А может быть, этот жест Рузвельта имел более глубокий смысл: он хотел выразить сочувствие тому, как Сталин парировал ещё не высказанное вслух намерение Черчилля поставить под сомнение целесообразность высадки союзников во Франции. Перевод был окончен, и Сталин, отложив трубку, продолжал:

— Мы, русские, считаем, что наибольший результат дал бы удар по врагу в Северной или в Северо-Западной Франции. Наиболее слабым местом Германии является Франция. Конечно, это трудная операция, и немцы во Франции будут бешено защищаться, но всё же это самое лучшее решение. Вот все мои замечания...

Рузвельт поблагодарил Сталина и спросил, готов ли выступить Черчилль. Тот кивнул, откашлялся и начал речь в своей особой манере, тщательно отбирая и взвешивая слова. Он сказал, что Англия и Соединённые Штаты давно договорились атаковать Германию через Северную или Северо-Западную Францию, для чего проводятся обширные приготовления. Потребовалось бы много цифр и фактов, продолжал английский премьер, чтобы доказать, почему в 1943 году не удалось осуществить эту операцию, но теперь решено атаковать Германию в 1944 году. Место нападения выбрано, и сейчас перед англо-американцами стоит задача создать условия для переброски армии во Францию через Ла-Манш в конце весны 1944 года. Силы, которые удастся накопить для этой цели в мае или июне, будут состоять из 16 британских— и 19 американских дивизий. За этими дивизиями последовали бы главные силы, причём предполагается, что всего в ходе операции «Оверлорд» в течение мая, июня, июля будет переправлено через Ла-Манш около миллиона человек.

Сделав эти заверения, Черчилль перешёл к проблеме использования англо-американских сил в других районах Европейского театра. Осторожно выбирая формулировки и как бы рассуждая вслух, он всякий раз оговаривался, что выдвигает свои предложения лишь в порядке постановки вопроса. Но за всеми этими оговорками скрывалось вполне определённое намерение британского премьера атаковать Германию не с запада, а с юга и юго-востока или, как любил выражаться Черчилль, «с мягкого подбрюшья Европы».

Начав с того, что до осуществления операции «Оверлорд» остаётся ещё много времени — около шести месяцев, — премьер-министр поставил вопрос об использовании в этот период сил западных союзников в Средиземном море. Это также мотивировалось желанием поскорее помочь Советскому Союзу. Конечно, заверил снова Черчилль, «Оверлорд» будет осуществлён в своё время или, быть может, с некоторым опозданием. Этим замечанием Черчилль как бы невзначай снова поставил под сомнение названный Рузвельтом срок начала операции через Ла-Манш.

Сталин и Рузвельт не реагировали на этот ход английского представителя. Когда майор Бирз закончил перевод последней фразы своего шефа, Черчилль продлил паузу, ожидая реплик. Он взял из пепельницы сигару, наполовину превратившуюся в пепел, осторожно поднёс её к губам, затянулся и, не дождавшись возражений, продолжал:

— Мы уже отправили семь испытанных дивизий из района Средиземного моря, а также часть десантных судов для «Оверлорда». Если принять это во внимание и, кроме того, плохую погоду в Италии, то необходимо сказать, что мы немного разочарованы тем, что до сих пор не взяли Рим. Наша первая задача состоит в том, чтобы взять Рим, и мы

полагаем, что в январе произойдёт решительное сражение, и битва будет нами выиграна. Находящийся под руководством генерала Эйзенхауэра генерал Александер — командующий 15-й армейской группой — считает, что выиграть битву за Рим вполне возможно. При этом, может быть, удастся захватить и уничтожить более 11–12 дивизий врага. Мы не думаем продвигаться дальше в Ломбардию или же идти через Альпы в Германию. Мы предполагаем лишь продвинуться несколько севернее Рима до линии Пиза — Римини, после чего можно было бы произвести высадку в Южной Франции и через Ла-Манш. Обращаясь к советской делегации, Черчилль спросил:

— Представляют ли интерес для советского правительства наши действия в восточной части Средиземного моря, которые, возможно, вызвали бы некоторую отсрочку операции через Ла-Манш?

Не дожидаясь ответа, он поспешно добавил:

— В этом вопросе мы пока ещё не имеем определённого решения, и мы прибыли сюда для того, чтобы принять его...

— Имеется ещё одна возможность, — вмешался Рузвельт. — Можно было бы произвести десант в районе северной части Адриатического моря, в то время как советские армии подошли бы к Одессе.

— Если мы возьмём Рим и блокируем Германию с юга, — продолжал английский премьер, — то мы дальше можем перейти к операциям в Западной и Южной Франции, а также оказывать помощь партизанским армиям. Можно было бы создать комиссию, которая смогла бы изучить этот вопрос и составить подробный документ.

Сталин, внимательно слушавший рассуждения Черчилля, попросил слова.

— У меня несколько вопросов, — сказал он. — Я понял, что имеется 35 дивизий для операций по вторжению в Северную Францию?

— Да, это правильно, — ответил Черчилль.

— До начала операций по вторжению в Северную Францию, — продолжал Сталин, — предполагается провести операцию на Итальянском театре для занятия Рима, после чего в Италии предполагается перейти к обороне?

Черчилль утвердительно кивнул. Сталин продолжал задавать вопросы:

— Я понял, что, кроме того, предполагается ещё три операции, одна из которых будет заключаться в высадке в районе Адриатического моря. Правильно я понимаю?

— Осуществление этих операций, может быть, будет полезно для русских, — сказал Черчилль. В его тоне звучало разочарование.

Затем он принялся разъяснять, что наибольшую проблему представляет вопрос о переброске необходимых сил. Операция «Оверлорд» начнётся 35 дивизиями, потом количество войск должно увеличиваться за счёт дивизий, которые будут перебрасываться из Соединённых Штатов, причём число их достигнет 50–60. Британские и американские воздушные силы, находящиеся в Англии, будут в ближайшие шесть месяцев удвоены и утроены. Кроме того, уже сейчас непрерывно проводится работа по накоплению сил в Англии.

Однако Сталин не дал себя сбить этими рассуждениями. Он снова спросил:

— Правильно ли я понял, что, кроме операции по овладению Римом, намечается провести ещё одну операцию в районе Адриатического моря, а также операцию в южной части Франции?

Уклонившись от прямого ответа, английский представитель заметил, что в момент начала операции «Оверлорд» предполагается совершить атаку на юге Франции. Для этого могут быть высвобождены некоторые силы в Италии, но эта операция ещё не выработана в деталях. Что касается планов высадки в районе Адриатики, то Черчилль вообще обошёл этот вопрос.

Сталин пристально посмотрел на него и довольно мрачным тоном сказал:

— По-моему, было бы лучше, чтобы за базу всех операций в 1944 году была взята операция «Оверлорд». Если бы одновременно с этой операцией был предпринят десант в Южной Франции, то обе группы войск могли бы соединиться во Франции. Поэтому было бы хорошо, если бы имели место две операции: операция «Оверлорд» и в качестве поддержки этой операции — высадка в Южной Франции. В то же время операция в районе Рима была бы отвлекающей. Осуществляя высадку во Франции с севера и с юга, при соединении этих сил можно было бы добиться их наращивания. Не следует забывать, что именно Франция является слабым местом Германии.

Поединок между Сталиным и Черчиллем продолжался. Лидер британских тори никак не хочет сложить оружия. Он вновь и вновь настаивает на своём, изображая дело так, будто, предлагая развернуть

операции на юго-востоке Европы, он печётся лишь о скорейшей победе над общим врагом.

— Я согласен, — заявил английский премьер, — с соображениями маршала Сталина относительно нежелательности того, чтобы силы расплылись. Но я боюсь, что в этот шестимесячный промежуток, во время которого мы могли бы взять Рим и подготовиться к большим операциям в Европе, наша армия останется в бездействии и не будет оказывать давления на врага. Я опасаясь, что в таком случае парламент упрекнул бы меня в том, что я не оказываю никакой помощи русским...

Это был уже прямой вызов.

— Я думаю, — парировал Сталин, — что «Оверлорд» — это большая операция. Она была бы значительно облегчена и дала бы наверняка эффект, если бы имела поддержку с юга Франции. Я лично пошёл бы на такую крайность: перешёл бы к обороне в Италии, отказавшись от захвата Рима, и начал бы операцию в Южной Франции, оттянув силы немцев из Северной Франции. Месяца через два-три я начал бы операции на севере Франции. Этот план обеспечил бы успех операции «Оверлорд», причём обе армии могли бы встретиться и произошло бы наращивание сил.

Черчиллю такое предложение явно не понравилось. Он резко возразил, что мог бы привести ещё больше всяких аргументов, но должен заметить, что союзники были бы слабее, если бы не взяли Рима. Предложив, чтобы весь этот вопрос обсудили военные специалисты, Черчилль решительно заявил, что борьба за Рим уже идёт и что отказ от взятия Рима означал бы поражение. А это английское правительство никак не могло бы объяснить палате общин. «Оверлорд», в конце концов, можно осуществить и в августе.

Обстановка накалялась, и Рузвельт постарался её смягчить.

— Мы могли бы, — сказал он, — осуществить в срок «Оверлорд», если бы не было операций в Средиземном море. Если же в Средиземном море будут операции, то это оттянет срок начала «Оверлорда». Я не хотел бы оттягивать эту операцию.

Черчилль сидел насупившись и отчаянно дымил сигарой. Несколько минут длилось молчание. Первым заговорил Сталин. Он вновь подчеркнул, что считает наиболее целесообразным высадку во Франции, причём одновременно или почти одновременно на севере и на юге. Опыт операций на советско-германском фронте, сказал он, показывает, что наибольший эффект даёт удар по врагу с двух сторон, чтобы он вынужден был перебрасывать силы то в одном, то в другом

направлении. Союзникам вполне можно было бы учесть этот опыт при высадке во Франции.

Трудно было возражать против этого, но Черчилль по-прежнему не хотел уступить.

— Я полагаю, — сказал он, — что мы могли бы предпринять диверсионные акты независимо от вторжения в Южную и Северную Францию. Я лично считаю очень отрицательным фактом праздное пребывание нашей армии в районе Средиземного моря. Поэтому мы не можем гарантировать, что будет точно выдержана дата 1 мая, намеченная для начала «Оверлорда». Установление твёрдой даты было бы большой ошибкой. Я не могу пожертвовать операциями на Средиземном море только ради того, чтобы сохранить дату 1 мая. Конечно, мы должны прийти к определённой договорённости по этому поводу. Этот вопрос могли бы обсудить военные специалисты...

Отбросив маскировку, Черчилль таким образом дал понять, что намерен драться за осуществление своих планов в Средиземноморье и ради этого готов пойти на срыв уже согласованного в принципе срока начала операций в Северной Франции. Было видно, что дальнейшая дискуссия может на данной стадии лишь привести к нежелательному обострению и к взаимным резкостям.

— Хорошо, — сказал Сталин решительно. — Пусть обсудят военные специалисты. Правда, мы не думали, что будут рассматриваться чисто военные вопросы. Поэтому мы не взяли с собой представителей Генерального штаба. Но полагаю, маршал Ворошилов и я сможем это дело как-либо устроить...

В этот первый вечер в Тегеране я освободился очень поздно. Но усталости не чувствовалось, и я не спеша шёл по аллеям парка к бывшему гарему, где нас разместили. Яркая луна пробивалась сквозь листву деревьев, воздух был пропитан ароматами осенних цветов, увядающих листьев, земли, водорослей, разросшихся в прудах. Подойдя к бассейну, сел на мраморную скамью, ещё тёплую от дневного солнца. Нервное напряжение, накопившееся за день, ещё не улеглось, и я чувствовал, что уснуть не смогу.

Только сейчас ощутил я с особой силой значение всего того, свидетелем чего оказался. Пока переводил на переговорах, а потом приводил в порядок протокол и составлял проекты телеграмм в Москву — я был всецело поглощён работой и не вдумывался в то, что здесь, в столице Ирана, вдали от фронтов, происходит нечто важное для дальнейшего хода войны, для победы. Однако теперь я вдруг осознал, что на моих глазах как бы в концентрированном виде совершается процесс творения истории. В Тегеране, несомненно, происходили тогда

события огромной исторической важности, события, значение которых выходило далеко за рамки текущего момента и которым суждено было наложить отпечаток на дальнейшее развитие в мире.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Балканская авантюра Черчилля

В последующие годы Черчилль неоднократно пытался отрицать, что вместо операции «Оверлорд» он строил планы вторжения на континент в восточной части Средиземного моря, прежде всего на Балканах. Конечно, и с этим он не торопился. Его планы были связаны с намерением в соответствующий момент выйти наперерез Красной Армии, закрыв ей дальнейшее продвижение на запад.

Поскольку этот замысел провалился, Черчилль стал потом уверять, будто ничего подобного вообще не существовало. В своих мемуарах он по разным поводам возвращается к этой проблеме, говоря, будто его неправильно поняли. Он даже называет эти балканские планы «легендой». В частности, во втором томе своих мемуаров Черчилль пишет:

«Было много сомнительных сообщений о той линии, которую я проводил в полном согласии с британскими начальниками штабов на Тегеранской конференции. В Америке стало легендой, что я стремился предотвратить операцию через Ла-Манш под названием «Оверлорд» и что я тщетно пытался заманить союзников в какое-то массовое вторжение на Балканах или в широкую кампанию в восточной части Средиземного моря, которая самым эффективным образом сорвала бы операцию «Оверлорд».

В действительности, как показывают переговоры в Тегеране, Черчилль проводил именно такую линию. Это и было его главной целью. Потерпев неудачу, он вынужден был согласиться на высадку в Нормандии.

Любопытно, что подлинный план Черчилля был вполне ясен и президенту Рузвельту. Его сын Эллиот, находившийся в те дни в Тегеране, вскоре после смерти отца опубликовал запись своей беседы с ним в иранской столице. Касаясь переговоров об открытии второго фронта в Европе, президент Рузвельт сказал Эллиоту, что у Черчилля в этом отношении была особая позиция.

«— Всякий раз, — пояснил Рузвельт, — когда премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствовавшим было совершенно ясно, чего он на самом деле хочет. Он прежде всего хочет врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию. Это понимал Сталин, понимал я, да и все остальные...

— Но он этого не сказал?

— Конечно, нет, — ответил Рузвельт. — А когда Дядя Джо (так Рузвельт называл Сталина) говорил о преимуществах вторжения на западе с военной точки зрения и о нецелесообразности распыления наших сил, он тоже всё время имел в виду и политические последствия. Я в этом уверен, хотя он об этом не сказал ни слова...

Отец снова лёг и замолчал...

— Я не думаю... — начал я нерешительно.

— Что?

— Я хочу сказать, что Черчилль... словом, он не...

— Ты думаешь, что он, быть может, прав? И, быть может, нам действительно было бы целесообразным нанести удар и на Балканах?

— Ну...

— Эллиот, наши начальники штабов убеждены в одном: чтобы истребить как можно больше немцев, потеряв при этом возможно меньше американских солдат, надо подготовить одно крупное вторжение и ударить по немцам всеми имеющимися в нашем распоряжении силами. Мне это кажется разумным... Представителям Красной Армии это тоже кажется разумным. Так обстоит дело. Таков кратчайший путь к победе. Вот и все. На беду премьер-министр (Черчилль) слишком много думает о том, что будет после войны и в каком положении окажется тогда Англия. Он смертельно боится чрезмерного усиления русских. Может быть, русские и укрепят свои позиции в Европе, но будет ли это плохо, зависит от многих обстоятельств. Я уверен в одном: если путь к скорейшей победе ценой минимальных потерь со стороны американцев лежит на западе и только на западе и нам нет нужды напрасно жертвовать своими десантными судами, людьми и техникой для операций в районе Балкан, — а наши начальники штабов убеждены в этом, — то больше не о чём и говорить.

Отец хмуро улыбнулся.

— Я не вижу оснований рисковать жизнью американских солдат ради защиты реальных или воображаемых интересов Англии на европейском континенте. Мы ведём войну, и наша задача выиграть её как можно скорее и без авантюры. Я думаю, я надеюсь, Черчилль понял, что наше мнение именно таково и что оно не изменится.

Отец снова закрыл глаза, и наступила тишина, нарушавшаяся лишь тиканьем часов...»

Я позволил себе привести столь длинную выдержку по двум причинам. Во-первых, она поможет читателю лучше уяснить себе цели, которые преследовал Черчилль, настаивая на своей балканской авантюре. Во-вторых, она показывает, что Рузвельт прекрасно понимал подлинный смысл планов Черчилля. Из того, что американский президент говорил об этом своему сыну, причём в дни Тегеранской конференции, видно, что планы правящих кругов Англии расходились с задачами достижения скорейшей победы над общим врагом. По-видимому, Рузвельт действительно не одобрял эту линию Черчилля. Но следует иметь в виду, что в Вашингтоне были влиятельные круги, которые, так же как и Черчилль, не торопились с открытием второго фронта.

Совещание военных экспертов

Встреча военных представителей трёх держав состоялась 29 ноября в 10 часов 30 минут утра. Американская делегация была представлена адмиралом Леги и генералом Маршаллом; от англичан присутствовали генерал Брук и главный маршал авиации Портал, советскую сторону представлял маршал Ворошилов.

Климент Ефремович предложил мне быть переводчиком на этом совещании, и я, запасшись блокнотом и карандашами, в начале одиннадцатого прогуливался по аллее, ведущей к главному зданию посольской усадьбы, где в комнате, примыкавшей к большому залу пленарных заседаний, должна была происходить встреча военных экспертов.

Аллея соединяла главное здание с особняком, в котором разместились советские делегаты, и я то и дело поглядывал туда — не идёт ли Ворошилов. Погода была очень приятная, в воздухе ещё сохранилась ночная свежесть, а солнце, пробиваясь весёлыми зайчиками сквозь густую листву, играло на посыпанной жёлтым песком дорожке. Было мирно и тихо в этом уединённом месте встречи руководителей трёх держав, многомиллионные армии которых где-то на далёких фронтах вели титаническую борьбу в грохоте взрывов, в дыму пожаров, среди бушующих валов необозримых морей и океанов...

Наконец открылась дверь особняка и оттуда вышли двое — Сталин и Ворошилов. Сталин что-то говорил своему спутнику, а тот молча слушал и лишь время от времени кивал головой. Возможно, в этот момент Ворошилов получал последние указания насчёт предстоящей встречи с англо-американцами, а может быть, речь шла и о чём-то совсем другом: из-за значительного расстояния слов нельзя было разобрать.

В это утро Сталин выглядел отлично. Бодрая походка и весь его облик говорили, что он полон энергии и решимости. Порой он улыбался, похлопывал Ворошилова по плечу.

Поравнявшись со мной, Сталин кивнул мне, на что я скороговоркой ответил:

— Доброе утро, товарищ Сталин... Сталин отрывисто бросил Ворошилову:

— Желаю успеха!..

И свернул в боковую аллею.

Пока мы шли к главному зданию, Климент Ефремович спросил, справлюсь ли я с переводом и с записью беседы. Протокол, пояснил Ворошилов, надо составить особенно тщательно: его будет читать Сталин. Я ответил, что постараюсь сделать все как надо. Ворошилов одобрительно улыбнулся и сказал:

— Между прочим, вы нравитесь товарищу Сталину, но он считает, что вы очень уж застенчивы. Советую вам быть понапористей, иначе далеко не уйдёте. Сталин это любит, и сейчас в вашей судьбе многое зависит от вас...

Я пробормотал что-то невнятное, видимо, лишний раз подтвердив тем самым безнадёжное отсутствие у меня «напористости». К тому же замечание Климента Ефремовича было неожиданным и привело меня в некоторое замешательство. Я ни разу не замечал, чтобы Сталин проявлял ко мне особое внимание. Он никогда со мной не говорил ни о чём не относящемся к моим непосредственным функциям переводчика, и мне казалось, что он вообще меня не замечает. Поэтому я никак не мог взять в толк, в чём же мне следует проявить «напористость». И действительно ли это пришлось бы ему по вкусу. Так или иначе никаких последствий этот разговор для меня не имел...

Мы прошли в комнату заседаний. Посреди стоял длинный стол, покрытый красным сукном. В центре его, как и в большом зале, на подставке были укреплены государственные флажки трёх держав. По обе стороны стола, — длинные ряды стульев. Когда мы вошли, американцы уже сидели на своих местах. Видимо, они успели побывать у жившего в этом же здании президента Рузвельта и из его апартаментов сразу же перешли сюда. Мы приветствовали друг друга, после чего начался традиционный обмен новостями с фронтов. Тем временем появились англичане. Можно было начинать совещание. Американцы и англичане разместились по одной стороне стола. Русские — по другой, напротив.

Открыл совещание адмирал Леги, который председательствовал на этом заседании. Леги предложил английскому генералу Бруку сделать сообщение о Средиземноморском театре военных действий.

Брук, как бы развивая вчерашний тезис Черчилля, заявил, что важнейшая задача англо-американцев заключается в том, чтобы оказывать давление на врага везде, где это возможно. В то же время они стремятся задержать поток германских дивизий, который мог бы быть направлен немцами в Северную Францию, где их увеличение нежелательно. Конечно, сказал Брук, операция «Оверлорд» отвлечёт большое количество германских дивизий, но она будет проведена только через шесть месяцев. За этот отрезок времени необходимо что-то сделать для отвлечения германских дивизий. Генерал Брук напомнил, что англичане имеют крупные силы в Средиземном море, которые они желают использовать как можно лучше. После этого общего замечания Брук обратился к генералу Маршаллу:

— Если я скажу что-либо, что не будет соответствовать мнению американцев, то прошу меня прервать.

Генерал Маршалл кивнул:

— Продолжайте, пожалуйста...

Разработанные англо-американцами планы, сказал генерал Брук, предусматривают активные действия на всех фронтах, в том числе и в районе Средиземного моря. Англичане имеют специальные десантные баржи, которые можно было бы использовать для операций в данном районе. Нужно только отложить «Оверлорд» на срок, который потребовался бы для использования этих судов в Средиземном море. Эти операции задержали бы германские войска, которые в противном случае были бы использованы немцами против операции «Оверлорд».

Рассмотрев далее различные варианты операций с целью отвлечения немецких сил в момент высадки союзников в Северной Франции, Брук стал говорить о сложностях операций, в которых приходится подбрасывать морем резервы то одной, то другой группировке. Поэтому, пояснил он, нелегко будет своевременно пополнить войсками любой вспомогательный десант. Но нужно сделать всё, что возможно, чтобы немцы не могли усиливать свои войска до тех пор, пока высадившиеся силы союзников будут ещё незначительны.

Выступивший вслед за Бруком американский генерал Маршалл начал с проблемы десантных судов, которая, по его словам, стоит весьма остро. Речь идёт прежде всего о судах, способных перебрасывать танки и мотомехчасти. Именно таких судов недостаёт для успешного осуществления операций в Средиземном море, о которых говорил генерал Брук. Преимущество операции «Оверлорд» заключается в том, что тут речь идёт о самой короткой дистанции, которую необходимо преодолеть в первоначальный момент. В дальнейшем предполагается перебрасывать войска во Францию непосредственно из Соединённых

Штатов — в общем, примерно до 60 американских дивизий. Что касается действий в районе Средиземного моря, то тут ещё не принято определённых решений, так как этот вопрос предполагалось обсудить в Тегеране.

Сейчас, продолжал Маршалл, вопрос заключается в том, что следует делать в ближайшие три, а в зависимости от этого — в ближайшие шесть месяцев. Предпринимать атаку в Южной Франции за два месяца до операции «Оверлорд» очень опасно. Но в то же время совершенно правильно, что операция в Южной Франции способствовала бы успеху «Оверлорда». Поэтому на юге Франции надо было бы высадиться за две-три недели до открытия второго фронта в Нормандии. Необходимо иметь в виду, что серьёзным препятствием при осуществлении этих операций будут действия немцев, которые разрушат все порты. В течение длительного времени придётся снабжать армию через открытое побережье. В заключение генерал Маршалл ещё раз подчеркнул, что для американцев проблема не в недостатке войск и снабжения, а в недостатке десантных судов.

Таким образом, генерал Маршалл, хотя и не отверг английские планы высадки союзников в районе Средиземного моря, всё же дал понять, что недостаток десантных средств приведёт в случае осуществления этой операции к значительной задержке «Оверлорда».

Ворошилов внимательно слушал рассуждения генералов Брука и Маршалла и воздержался от каких-либо замечаний. Он предложил, чтобы англо-американцы сделали доклад о воздушных операциях. На эту тему выступил английский маршал авиации Портал. Отметив, что до настоящего времени основные налёты на Германию производились из Англии, Портал подчеркнул, что теперь такие налёты начинают осуществляться и из района Средиземного моря. Предупредив, что предстоит ещё тяжёлая борьба, он выразил убеждение, что англо-американский план уничтожения военно-воздушных сил немцев всё же увенчается успехом. Немцы очень чувствительны к массированным налётам, особенно на Южную Германию, предпринимаемым из района Средиземного моря. Он, Портал, понимает, что советская авиация почти полностью занята в наземных боях в районе фронта, но было бы хорошо, если бы советское командование выделило некоторую часть авиации для бомбардировки Восточной Германии. Это оказало бы большое влияние на положение на всех остальных фронтах.

Адмирал Леги спросил, каково мнение маршала Ворошилова по поводу только что сделанных докладов.

— Прежде всего, — сказал Ворошилов, — я хотел бы задать два вопроса. Во-первых: что делается для того, чтобы разрешить проблему транспортных и десантных средств? Во-вторых: отдают ли приоритет

операции «Оверлорд»? Из доклада генерала Маршалла следует, что американцы считают операцию «Оверлорд» основной. Но считает ли генерал Брук как глава Британского генерального штаба эту операцию также главной? Не считает ли он, что эту операцию можно было бы заменить какой-либо другой в районе Средиземного моря или где-либо в ином месте?

Резкость постановки этих вопросов вызвала в зале некоторое замешательство. Генерал Брук стал перебирать лежавшие перед ним бумаги. Он, видимо, хотел уклониться от ответа. Слово взял генерал Маршалл.

— Что касается Соединённых Штатов, — сказал он, — то мы делали все, чтобы необходимые приготовления были закончены к моменту начала операции «Оверлорд». В частности, готовятся десантные баржи, каждая из которых сможет перевозить до 40 танков.

Когда генерал Маршалл заканчивал последнюю фразу, генерал Брук поднял вверх палец, давая понять, что хочет взять слово сразу же после американского представителя. Адмирал Леги кивнул в знак согласия.

— Прежде всего, — заявил Брук, — я хочу ответить на вопрос маршала Ворошилова о том, как рассматривают англичане операцию «Оверлорд». Англичане придают этой операции важное значение и считают её существенной частью войны. Но для её успеха должны существовать определённые предпосылки, которые не позволяли бы немцам использовать хорошие дороги Северной Франции для подбрасывания резервов...

Так и не дав прямого ответа на вопрос — считают ли англичане «Оверлорд» главной операцией, Брук принялся рассуждать о том, что вообще-то, как полагает британское командование, необходимые предпосылки для высадки через Ла-Манш должны существовать в 1944 году, и потому англичане готовятся осуществить эту операцию в течение будущего года. Но сложность заключается в десантных судах. Чтобы быть готовыми к 1 мая 1944 года, необходимо уже сейчас перебросить основную массу десантных судов из Средиземного моря, а это, подчеркнул Брук, привело бы к приостановке операций в Италии в момент, когда англичане хотят постоянно удерживать в сражениях максимальное число германских дивизий. Такие сражения необходимы не только для того, чтобы оттягивать германские силы с русского фронта, но и для последующего успеха «Оверлорда». Вот и получается, что в настоящий момент нельзя все бросить на подготовку «Оверлорда». Следовательно, трудно сказать, когда удастся начать вторжение в Северную Францию.

В заключение генерал Брук указал на сложности создания временных плавучих портов. В этом отношении сейчас проводятся опыты, причём некоторые из них были не столь удачны, как это предполагалось, хотя в целом имеется некоторый успех. Так или иначе, успех или неуспех операции «Оверлорд» будет в значительной степени зависеть от наличия этих портов. Таким образом, генерал Брук в дополнение к уже и без того нагромождённому англичанами препятствиям выдвинул новую преграду к своевременному осуществлению «Оверлорда».

Разъяснения английского представителя не удовлетворили Ворошилова, и он повторил свой вопрос к генералу Бруку:

— Я хотел бы знать, считают ли англичане операцию «Оверлорд» главной операцией?

Английский генерал продолжал уклоняться от прямого ответа. Он сказал:

— Я ждал этого вопроса и должен заметить, что не желаю видеть неудачу операций как в Северной, так и в Южной Франции. Но при некоторых обстоятельствах эти операции обречены на неудачу...

Видя, что ему так и не удастся вытянуть из англичан определённого ответа, Ворошилов принялся излагать советскую точку зрения на эту проблему. Он напомнил сделанное на вчерашнем пленарном заседании конференции заявление главы советской делегации о том, что советский Генеральный штаб считает операции в районе Средиземного моря второстепенными и что было бы целесообразно осуществить лишь такие операции в Южной Франции, которые имели бы решающее значение для успеха «Оверлорда». Опыт войны и успехи англо-американских войск в Северной Африке, уже проведённые операции по высадке десантов в Италии, действия англо-американской авиации против Германии, степень организации войск Соединённых Штатов и Соединённого Королевства, могучая техника Соединённых Штатов, морская мощь союзников и в особенности их господство в Средиземном море — все это, сказал Ворошилов, показывает, что при желании «Оверлорд» может быть успешно осуществлён. Необходима лишь воля.

Далее Ворошилов напомнил, что предложения советской стороны заключаются в том, чтобы операция через Ла-Манш была поддержана действиями союзных войск с юга Франции. С этой целью можно было бы перейти в Италии к обороне, а освободившимися силами произвести высадку в Южной Франции с тем, чтобы ударить по врагу с двух сторон. Эта высадка может быть осуществлена либо за два-три месяца, либо одновременно, либо даже немного позже операции «Оверлорд». Но она обязательно должна состояться.

— Мы рассматриваем операцию через Ла-Манш, — продолжал Ворошилов, — как операцию нелёгкую. Мы понимаем, что эта операция труднее форсирования рек, но всё же на основании нашего опыта по форсированию таких крупных рек, как Днепр, Десна, Сож, правый берег которых гористый и при этом хорошо был укреплён немцами, мы можем сказать, что операция через Ла-Манш, если она по-серьёзному будет проводиться, окажется успешной. Немцы построили на правом берегу указанных рек современные железобетонные укрепления, установили там мощную артиллерию и могли обстреливать левый низкий берег на большую глубину, не давая возможности нашим войскам приблизиться к реке. Всё же после концентрированного артиллерийского и миномётного огня, после мощных ударов авиации нашим войскам удалось форсировать эти реки, и враг был разгромлен. Поэтому я уверен, что хорошо подготовленная, а главное, полностью обеспеченная сильной авиацией операция «Оверлорд» увенчается полным успехом. Союзная авиация должна обеспечить за собой, разумеется, полное господство в воздухе ещё до начала действий наземных войск...

Генерал Брук, отвечая Ворошилову, в примирительном тоне заявил, что англо-американцы рассматривают операции в Средиземном море как операции второстепенного значения. Но поскольку в этом районе имеются крупные войска, операции там могут и должны быть проведены для того, чтобы помочь основной операции. Эти операции тесно связаны со всем ведением войны и, в частности, с успехом военных действий в Северной Франции.

Далее Брук перевёл разговор на проблему форсирования водных рубежей. Он сказал, что англичане с большим интересом и восхищением следили за форсированием рек Красной Армией и считают, что русские достигли больших успехов в десантных операциях. Но операция через Ла-Манш требует специальных средств и нуждается в детальной разработке. Англо-американцы изучают все необходимые детали уже в течение нескольких лет. Значительные трудности заключаются также в том, что берег во Франции пологий и что там имеются большие отмели. Поэтому во многих местах судам трудно подойти к самому берегу.

Генерал Маршалл также обратил внимание на сложности, связанные с высадкой в Северной Франции. Он не согласился с оптимистическим высказыванием Ворошилова по поводу десанта через Ла-Манш. Маршалл сказал, что обучался в своё время наземным операциям и форсированию рек. Но когда он столкнулся с десантными операциями через океан, ему пришлось полностью переучиваться. Если при форсировании реки поражение может означать лишь неудачу, то неудача при десанте через океан означает катастрофу.

Ворошилов возразил Маршаллу. По его мнению, в такой операции, как «Оверлорд», главное заключается в организации, планировании и

продуманной тактике. Если тактика будет соответствовать поставленной задаче, даже неудача передовых частей будет только неудачей, а не катастрофой. Авиация должна завоевать господство в воздухе и разгромить артиллерию противника. После интенсивной артиллерийской подготовки посылаются лишь передовые части, а когда они закрепятся и успех обозначится, высаживаются основные части.

В итоге каждый так и остался при своём мнении. Но военные представители не смогли найти общий язык не только по вопросу о десантных операциях. Остался нерешённым и более важный вопрос — о сроке открытия второго фронта в Северной Франции.

Когда во второй половине дня собралось пленарное заседание делегаций трёх держав, военные представители не могли доложить ничего утешительного.

Королевский меч — Сталинграду

Перед началом пленарного заседания конференции 29 ноября состоялась торжественная церемония, вылившаяся в демонстрацию единства союзников в борьбе против общего врага. Такая демонстрация была как нельзя кстати. Она несколько разрядила сгустившиеся над конференцией тучи и как бы напомнила о том, что перед антигитлеровской коалицией стоят ещё очень большие и сложные задачи, которые могут быть решены лишь при условии общих, согласованных действий.

Вручение жителям Сталинграда от имени короля Георга VI и английского народа специально изготовленного меча было обставлено с подчёркнутой пышностью. Большой блестящий меч с двуручным эфесом и инкрустированными ножнами, выкованный опытнейшими потомственными оружейниками Англии, символизировал дань уважения героям Сталинграда — города, где был надломлен хребет фашистского зверя.

Зал заполнился задолго до начала церемонии. Здесь уже находились все члены делегаций, а также руководители армий, флотов и авиации держав — участниц антигитлеровской коалиции, когда появилась Большая тройка.

Сталин был в светло-сером кителе с маршальскими погонами. Черчилль на этот раз также явился в военной форме. С того дня своей формы английский премьер в Тегеране не снимал, и все считали, что это его своеобразная реакция на маршальскую одежду Сталина. Сначала Черчилль носил синий в полосу костюм, но, увидев Сталина в форме, он тут же затребовал себе серо-голубоватый мундир высшего офицера

королевских военно-воздушных сил. Эта форма как раз подросла к церемонии вручения меча. Рузвельт, как обычно, был в штатском.

Почётный караул состоял из офицеров Красной Армии и британских вооружённых сил. Оркестр исполнил советский и английский государственные гимны. Все стояли навытяжку. Оркестр смолк, и наступила торжественная тишина. Черчилль медленно приблизился к лежащему на столе большому чёрному ящику и раскрыл его. Меч, спрятанный в ножнах, покоился на бордовой бархатной подушке. Черчилль взял его обеими руками и, держа на весу, сказал, обращаясь к Сталину:

— Его величество король Георг VI повелел мне вручить вам для передачи городу Сталинграду этот почётный меч, сделанный по эскизу, выбранному и одобренному его величеством. Этот почётный меч изготовлен английскими мастерами, предки которых на протяжении многих поколений занимались изготовлением мечей. На лезвии меча выгравирована надпись: «Подарок короля Георга VI людям со стальными сердцами — гражданам Сталинграда в знак уважения к ним английского народа».

Сделав несколько шагов вперёд, Черчилль передал меч Сталину, позади которого стоял советский почётный караул с автоматами наперевес. Приняв меч, Сталин вынул клинок из ножен. Лезвие сверкнуло холодным блеском. Сталин поднёс его к губам и поцеловал. Потом, держа меч в руках, тихо произнёс:

— От имени граждан Сталинграда я хочу выразить свою глубокую признательность за подарок короля Георга VI. Граждане Сталинграда высоко оценят этот подарок, и я прошу вас, господин премьер-министр, передать их благодарность его величеству королю...

Наступила пауза. Сталин медленно обошёл вокруг стола и, подойдя к Рузвельту, показал ему меч. Черчилль поддерживал ножны, а Рузвельт внимательно оглядел огромный клинок. Прочтя вслух сделанную на клинке надпись, президент сказал:

— Действительно, у граждан Сталинграда стальные сердца...

И он вернул меч Сталину, который подошёл к столу, где лежал футляр, бережно уложил в него спрятанный в ножны меч и закрыл крышку. Затем он передал футляр Ворошилову, который в сопровождении почётного караула перенёс меч в соседнюю комнату...

Все вышли фотографироваться на террасу с шестью белыми колоннами. Было тепло и безветренно. Солнце освещало позолоченную осенью листву. Сталин и Черчилль остановились в центре террасы, куда

подвезли в коляске и Рузвельта. Сюда же были принесены три кресла для Большой тройки. Позади кресел выстроились министры, маршалы, генералы, адмиралы, послы. Это был большой день фоторепортёров и кинооператоров. Они сновали вокруг, то приседали, то становились на цыпочки, забегали то с одной, то с другой стороны, стараясь отыскать позицию получше. Потом свита отошла в сторону, и Большая тройка осталась одна на фоне высоких дверей, которые вели с террасы в зал заседаний. Этот снимок стал историческим и обошёл весь мир.

В поисках главнокомандующего

На заседании, начавшемся после церемонии вручения королевского меча Сталинграду, торжественно-приподнятое настроение быстро рассеялось. По-прежнему оставался нерешённым важнейший вопрос об открытии второго фронта в Европе. Обращаясь к английскому и американскому представителям, глава советской делегации спросил:

— Я хотел бы получить ответ на вопрос о том, кто будет назначен командующим операцией «Оверлорд»?

— Этот вопрос ещё не решён, — ответил Рузвельт.

— Тогда ничего не выйдет из операции «Оверлорд», — мрачно произнёс Сталин, как бы рассуждая вслух. — Кто несёт моральную и военную ответственность за подготовку и выполнение операции «Оверлорд»? Если это неизвестно, тогда операция «Оверлорд» является лишь разговором.

На противоположной стороне стола проскользнула какая-то тень неловкости. Воцарилось молчание. Потом Рузвельт сказал:

— Английский генерал Морган несёт ответственность за подготовку операции «Оверлорд».

— А кто несёт ответственность за проведение операции «Оверлорд»? — продолжал настаивать советский представитель.

— Нам известны все лица, которые будут участвовать в осуществлении операции, — пояснил президент, — за исключением главнокомандующего этой операцией.

Это объяснение, конечно, не решало проблемы. Вопрос, поставленный советской делегацией, имел большое принципиальное значение. Ведь без командира, без ответственного военного руководителя не может быть осуществлена ни малая, ни крупная операция. Тем более невозможно без главнокомандующего планировать

и осуществить такую операцию, как высадка огромной массы войск, оснащённых тяжёлой боевой техникой, через Ла-Манш.

Поэтому постановка вопроса о главнокомандующем вскрыла всю несостоятельность позиции англо-американцев.

— Может случиться, — продолжал Сталин все тем же мрачным тоном, — что генерал Морган сочтёт операцию подготовленной, но после назначения командующего, который будет отвечать за осуществление этой операции, окажется, что командующий сочтёт операцию не подготовленной. Должно быть одно лицо, которое отвечало бы как за подготовку, так и за проведение операции.

— Генералу Моргану, — возразил Черчилль, — поручены предварительные приготовления.

— Кто поручил это генералу Моргану? — быстро спросил Сталин.

Черчилль ответил, что несколько месяцев назад такое поручение генерал Морган получил от англо-американского Объединённого штаба с согласия президента Рузвельта и его, Черчилля. Генералу Моргану было поручено вести подготовку «Оверлорда» совместно с американскими и английскими штабами, однако главнокомандующий ещё не назначен. Британское правительство выразило готовность поставить свои силы под командование американского главнокомандующего в операции «Оверлорд», так как Соединённые Штаты несут ответственность за концентрацию и пополнение войск и имеют тут численное превосходство. Вопрос о назначении главнокомандующего, продолжал Черчилль, нельзя решить на таком обширном заседании, как сегодняшнее. Этот вопрос следует обсудить трём главам правительств между собой, в узком кругу.

Пока Черчилль говорил, Рузвельт что-то написал на листке бумаги и переслал её английскому премьеру. Тот быстро пробежал текст и сказал:

— Как мне сейчас передал президент, — и я тоже это подтверждаю, — решение вопроса о назначении главнокомандующего будет зависеть от переговоров, которые мы ведём здесь...

— Я хочу, чтобы меня правильно поняли, — пояснил Сталин. — Русские не претендуют на участие в назначении главнокомандующего, но русские хотели бы знать, кто будет командующим. Мы хотели бы, чтобы он был поскорее назначен и чтобы он отвечал как за подготовку, так и за проведение операции «Оверлорд».

— Я вполне согласен с тем, что сказал маршал Сталин, — воскликнул Черчилль. Его явно приободрило, что советская сторона не претендует

на участие в обсуждении этого вопроса. — Я думаю, что президент согласится со мной в том, что через две недели мы назначим главнокомандующего и сообщим его фамилию.

Проблема главнокомандующего «Оверлордом» была снова затронута в беседе, которую на следующий день Сталин имел с Черчиллем. Признавая, что это назначение имеет жизненную важность, британский премьер сказал, что до августа существовало мнение, согласно которому главнокомандующим «Оверлордом» должен быть английский офицер. Однако на недавней встрече Рузвельта и Черчилля в Квебеке президент внёс другое предложение: «Оверлордом» должен командовать американский офицер, а операциями в Средиземном море — английский. Британское правительство согласилось с этим, поскольку даже в самом начале операции «Оверлорд» американцы будут иметь численное превосходство, которое с течением времени должно возрастать.

— Означает ли это, что в Средиземном море вместо Эйзенхауэра будет назначен английский командующий? — спросил Сталин.

Черчилль ответил утвердительно и добавил, что как только американцы назначат своего командующего, он, Черчилль, назначит британского командующего в районе Средиземного моря.

— Задержка в назначении американского командующего, — многозначительно добавил британский премьер, — связана с внутренними соображениями и имеет отношение к некоторым высокопоставленным лицам в Соединённых Штатах...

Объяснения Черчилля содержали только половину правды. Ибо проблема назначения главнокомандующего вызвала разногласия не только среди вашингтонских политиков, но и ещё больше между англичанами и американцами. Дело в том, что к лету 1943 года в Вашингтоне стало складываться мнение о необходимости объединить операции в Средиземном море и в Северной Франции под одним командованием, а именно — американским. Тогда же была намечена кандидатура командующего всеми операциями. Им должен был стать американский генерал Джордж Маршалл, занимавший пост начальника штаба армии Соединённых Штатов. Но вокруг этой кандидатуры и возникли расхождения. Влиятельные военные круги, а также некоторые видные деятели конгресса США считали, что в Вашингтоне трудно найти замену такому опытному в военном и политическом отношении деятелю, как генерал Маршалл. Эти круги соглашались на его перевод в Европу лишь в том случае, если будет найдена какая-то формула, которая позволит сохранить за Маршаллом и его вашингтонский пост.

С другой стороны, президент Рузвельт и его ближайшее окружение полагали, что только в случае выдвижения генерала Маршалла на пост главнокомандующего можно рассчитывать на согласие англичан объединить под его единоличным командованием оба театра военных действий — Средиземноморский и Западноевропейский. Рузвельт считал это тем более важным, поскольку к тому времени весьма чётко проявилась тенденция Черчилля развернуть широкие военные действия прежде всего в восточной части Средиземного моря. Внутривосточные сложности, возникшие в этой связи, привели к тому, что на протяжении осенних месяцев 1943 года вопрос о кандидатуре главнокомандующего так и оставался нерешённым.

Но все дело усугублялось также тем, что британское правительство решительно сопротивлялось созданию общего командования под эгидой американцев. Правда, Лондон поддерживал идею назначения Маршалла, но лишь главнокомандующим «Оверлорда». В итоге кандидатура главнокомандующего не была окончательно согласована и после того, как в Квебеке американская идея о совместном командовании окончательно отпала и было решено поставить англо-американские силы, действующие в Средиземноморье, под английское командование.

Уступив в этом вопросе Лондону, американцы показали, что они готовы смотреть сквозь пальцы на планы Черчилля в восточной части Средиземного моря. Смысл этих планов ясен: во-первых, затянуть войну действиями на второстепенных направлениях, во-вторых, установить английский контроль над Балканами и над всем югом Европы, где в то время широко распространилось партизанское движение, носившее не только антифашистский, но и антиимпериалистический характер.

Все эти интриги не имели, разумеется, ничего общего ни с задачей скорейшего окончания войны, ни с оказанием действенной помощи Советскому Союзу.

В Тегеране имя главнокомандующего «Оверлордом» так и не было названо. Правда, спустя четыре дня после окончания конференции руководителей трёх держав, 5 декабря 1943 года, Рузвельт назначил верховным командующим англо-американскими войсками, участвующими в операции «Оверлорд», генерала Эйзенхауэра.

Обстановка обостряется

Участники конференции вновь и вновь возвращались к теме «Оверлорда», но это не приближало их ни на шаг к главному вопросу — о сроках и очередности вторжения в Северную Францию. Между тем Черчилль не оставлял своих попыток заменить «Оверлорд» какой-то другой операцией — в Средиземном море или на Балканах. На одном из

пленарных заседаний он вновь заявил, что в Средиземноморье англичане располагают значительной армией и хотят, чтобы эта армия вела активную борьбу там в течение всего года, а не находилась в бездействии. Поэтому, заявил Черчилль, он просит, чтобы русские рассмотрели всю эту проблему и различные альтернативы, которые англичане предлагают в отношении наилучшего использования имеющихся вооружённых сил в районе Средиземного моря. Британский премьер выдвинул ряд вопросов, которые, по его мнению, необходимо детально изучить.

Во-первых, какую помощь можно будет оказать операции «Оверлорд», используя войска, находящиеся в Средиземноморье. Англичане хотели бы иметь там достаточное количество десантных судов для переброски двух дивизий. При этом можно было бы ускорить продвижение англо-американских войск вдоль Апеннинского полуострова для уничтожения войск противника. Имеется и другая возможность использования этих сил. Их было бы достаточно для захвата острова Родос в том случае, если бы Турция вступила в войну. Третья возможность использования этих сил заключается в том, что они за вычетом потерь могли бы быть использованы через шесть месяцев в Южной Франции для поддержки операции «Оверлорд». Ни одна из указанных возможностей не исключена, но возникает вопрос о сроке. Использование этих двух дивизий, независимо от того, какими из трёх перечисленных операций они будут заняты, не может быть осуществлено без отсрочки операции «Оверлорд» или отвлечения части десантных средств из района Индийского океана.

— В этом состоит наша дилемма, — патетически воскликнул Черчилль, вздымая руки к небу. — Чтобы решить, какой путь нам избрать, мы хотим услышать точку зрения маршала Сталина по поводу общего стратегического положения, так как военный опыт наших русских союзников приводит нас в восхищение и воодушевляет нас...

Но есть и ещё одна проблема, продолжал глава британской делегации, которая носит скорее политический, нежели военный характер. Речь идёт о Балканах. Там находится 21 германская дивизия и, помимо того, гарнизонные войска. Из этого количества 54 тысячи немецких солдат сконцентрированы на Эгейских островах. На Балканах имеется также не менее 12 болгарских дивизий.

Указав на значение вражеских сил, расположенных на Балканах, Черчилль принялся уверять, что Англия не имеет на Балканах ни интересов, ни честолюбивых устремлений. Она лишь хочет сковать 21 германскую дивизию на Балканах и, по мере возможности, уничтожить их.

— Мы стремимся дружно работать с нашими русскими союзниками, — заверил Черчилль.

Эти заверения звучали не очень убедительно. В ответ на них советский делегат вновь заявил, что из военных проблем основным и решающим вопросом следует считать операцию «Оверлорд».

— Конечно, — продолжал Сталин, — русские нуждаются в помощи. И если речь идёт о помощи нам, то мы ожидаем помощи от тех, кто должен выполнять намеченные операции, и мы ожидаем действенной помощи.

Прежде всего, подчеркнул советский делегат, необходимо, чтобы срок операции «Оверлорд» не был отложен, чтобы май оставался предельным временем для осуществления этой операции. Следует также предусмотреть поддержку «Оверлорда» десантом на юге Франции. По мнению русской делегации, лучше было бы решить все эти вопросы в ходе Тегеранской конференции, и советская сторона не видит причин, по которым это не могло бы быть сделано.

Рузвельт, внимательно слушавший Сталина, сказал, что он придаёт большое значение срокам и, если имеется общее согласие на операцию «Оверлорд», следует договориться о дате её проведения. По мнению Рузвельта, можно принять один из двух вариантов: либо провести «Оверлорд» в течение первой недели мая, либо несколько отложить эту операцию. Отсрочка «Оверлорда» могла бы быть вызвана одной-двумя операциями в Средиземном море, которые потребовали бы десантных средств и самолётов. Если осуществить экспедицию в восточной части Средиземного моря и если при этом не будет успеха, то придётся перебросить туда дополнительные материалы и войска. Тогда «Оверлорд» не удастся осуществить в срок. Поэтому, продолжал американский президент, наши штабы должны разработать планы операций на Балканах таким образом, чтобы операции там не нанесли ущерба «Оверлорду».

— Правильно, — поддержал президента Сталин и добавил: — Если возможно, то хорошо было бы осуществить операцию «Оверлорд» в пределах мая, скажем, 10–15–20 мая.

— Я не могу дать такого обязательства, — отпарировал Черчилль.

Сталин пожал плечами, давая понять, что считает в этих условиях трудным продолжать разговор. Его явно раздражала уклончивая позиция британского премьера. Но он держал себя в руках и спокойным тоном учителя, который старается втолковать суть вопроса непонятливому ученику, сказал:

— Если осуществить «Оверлорд» в августе, как об этом говорил Черчилль вчера, то из-за неблагоприятной погоды в этот период ничего путного не выйдет. Апрель и май являются наиболее подходящими месяцами для «Оверлорда».

Известно, что Сталин был порой раздражительным и нетерпимым. Малейшее возражение могло вызвать у него весьма бурную реакцию. Однако на протяжении работы Тегеранской конференции он хорошо владел собой. Даже в самые острые моменты он был спокоен, выдержан, корректен. И это выгодно отличало его от Черчилля, который часто срывался, проявлял нервозность, а иногда и вовсе не мог держать себя в руках.

Спокойный тон Сталина возымел своё действие.

— Мне кажется, — примирительно сказал Черчилль, — что мы не расходимся во взглядах настолько, насколько это может показаться. Я готов сделать всё, что во власти британского правительства, чтобы осуществить операцию «Оверлорд» в возможно ближайший срок. Но я не думаю, что те многие возможности, которые имеются в Средиземном море, должны быть немилосердно отвергнуты как не имеющие значения из-за того, что использование их задержит «Оверлорд» на два-три месяца. По нашему мнению, многочисленные британские войска не должны находиться в бездействии в течение шести месяцев. Они должны вести бои с врагом, и с помощью американских союзников мы надеемся уничтожить немецкие дивизии в Италии. Мы не можем оставаться пассивными в Италии, ибо это испортит всю нашу кампанию там. Мы должны оказывать помощь нашим русским друзьям...

Таким образом, Черчилль снова вернулся к своему тезису о развёртывании операций в Средиземноморье и к тому же изобразил дело так, будто это и есть наилучшая помощь Советскому Союзу. Сталин саркастически заметил:

— По Черчиллю выходит, что русские требуют от англичан, чтобы они бездействовали...

Черчилль сделал вид, что не замечает иронии, и принялся снова рассуждать о том, что необходимо сковать возможно большее количество германских дивизий в Италии и на Балканах и что пассивность на фронте в Италии позволит немцам снова перебросить свои дивизии во Францию в ущерб «Оверлорду». Англичане, уверял Черчилль, всегда готовы обсудить все подробности с союзниками, но дело в количестве десантных средств. Если эти десантные средства будут оставлены в районе Средиземного моря или в Индийском океане в ущерб «Оверлорду», тогда не может быть гарантирован успех «Оверлорда» и операции в Южной Франции.

— Для операций в Южной Франции потребуется большое количество десантных средств, и это надо учесть, — многозначительно закончил свою речь британский премьер.

В этих условиях предложение провести дальнейшее обсуждение в комиссии военных экспертов выглядело как уловка, рассчитанная на то, чтобы вообще похоронить это дело. Ведь все понимали: время, которое главы трёх держав могут уделить Тегеранской конференции, весьма ограничено.

Поэтому, когда Рузвельт снова предложил поручить военной комиссии обсудить оставшиеся неразрешёнными вопросы, Сталин решительно возразил:

— Не нужно никакой военной комиссии. Мы можем решить все вопросы здесь, на совещании. Мы должны решить вопрос о дате, о главнокомандующем и вопрос о необходимости вспомогательной операции в Южной Франции...

Советский делегат добавил, что русские ограничены сроком пребывания в Тегеране. Можно ещё пробыть 1 декабря, но 2 декабря советская делегация должна уехать. Ведь заранее было договорено, что конференция продлится от трёх до четырёх дней.

Рузвельт всё же продолжал настаивать на передаче всех вопросов в военную комиссию, но Сталин не соглашался. Он пояснил, что русские хотят знать дату начала операции «Оверлорд», чтобы подготовить свой удар по немцам.

Черчилль поддержал предложение президента о военной комиссии.

— Что касается определения срока операции «Оверлорд», — заметил он, — то если будет решено провести расследование стратегических вопросов в военной комиссии...

Советский делегат резко перебил Черчилля:

— Мы не требуем никакого расследования... Рузвельт, чувствуя, что атмосфера накаляется, поспешил вмешаться.

— Нам всем известно, — заметил он, — что разногласия между нами и англичанами небольшие. Я возражаю против отсрочки операции «Оверлорд», в то время как Черчилль больше подчёркивает важность операций в Средиземном море. Военная комиссия могла бы: разобраться в этих вопросах.

— Мы можем решить эти вопросы сами, — настойчиво повторил Сталин, — ибо мы больше имеем прав, чем военная комиссия. Если

можно задать вопрос, то я хотел бы спросить англичан, верят ли они в операцию «Оверлорд» или они просто говорят о ней для того, чтобы успокоить русских.

Черчилль закусил удила.

— Если, — сказал он уклончиво, — будут налицо условия, которые были указаны на Московской конференции, то я твёрдо убеждён в том, что мы будем обязаны перебросить все наши возможные силы против немцев, когда начнётся осуществление операции «Оверлорд»...

Условия, на которые ссылался Черчилль, были определены на Московской конференции трёх держав, состоявшейся незадолго до тегеранской встречи. Они определяли, в каком случае высадка через Ла-Манш может быть успешной: во Франции к моменту вторжения должно находиться не более 12 германских мобильных дивизий, в течение 60 дней немцы не должны иметь возможности перебросить во Францию для пополнения своих войск более 15 дивизий.

Напоминая об этих условиях, Черчилль дал понять, что при определённых обстоятельствах операция «Оверлорд» вообще может оказаться под вопросом. В итоге после долгих дебатов проблема «Оверлорда» снова оказалась в тупике. Казалось, что продолжать переговоры вообще бессмысленно.

Сталин резко поднялся с места и, обращаясь к Молотову и Ворошилову, сказал:

— Идёмте, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте...

Черчилль заёрзал в кресле, покраснел и невнятно пробурчал, что его «не так поняли».

Чтобы как-то разрядить атмосферу, Рузвельт примирительным тоном сказал:

— Мы очень голодны сейчас. Поэтому я предложил бы прервать наше заседание, чтобы присутствовать на обеде, которым нас сегодня угощает маршал Сталин...

Лосось для президента

Стол на девять персон был накрыт в небольшой гостиной, примыкавшей к залу заседаний. На белой скатерти ярким пятном выделялись миниатюрные флажки трёх держав. Между приборами были небрежно разбросаны красные гвоздики. Когда я вошёл в гостиную, там, кроме официантов, ещё никого не было. Обойдя стол, проверил, как разложены карточки с именами участников обеда. Напротив прибора,

приготовленного для Сталина, должен был занять место президент Соединённых Штатов. На его фужере лежала карточка из белого картона с надписью: «Франклин Делано РУЗВЕЛЬТ» на русском и английском языках. Справа от Сталина должен был сидеть Черчилль, слева — я в качестве переводчика. Напротив меня, по правую руку президента — Молотов. Слева от президента — Чарльз Болен. По правую руку Черчилля — майор Бирз. На остальных местах — Гарри Гопкинс и Антони Иден. У каждого прибора лежала карточка с меню, которое также было напечатано на русском и английском языках. Набор блюд был обычным для такого случая. Разнообразная закуска, бульон, бифштекс, пломбир, кофе. Из напитков — сухое кавказское вино, минеральная вода, лимонад и «Советское шампанское». Когда все собрались, но ещё не сели за стол, официант принёс на подносе рюмки с водкой, коньяком, вермутом. Сталин произнёс короткий приветственный тост.

Высоко оценив кавказские вина, Рузвельт сказал, что в Калифорнии недавно начали производить сухие вина и что виноделие в южной части Тихоокеанского побережья США быстро развивается. Было бы неплохо испробовать там некоторые кавказские сорта, заметил президент. Сталин поддержал эту идею. Он на память приводил цифры производства по каждому сорту кавказского вина, подробно говорил об особенностях почв в различных районах Грузии, рассказал об экспериментах с «Хванчкарой», которую, несмотря на все усилия, не удаётся получить в других районах, поскольку климатические и почвенные условия, где произрастает соответствующий сорт винограда, совершенно исключительны.

Черчилль сказал, что ему лично больше нравится коньяк и что у него есть много интересных соображений насчёт импорта в Англию армянских марок. Рузвельт, как выяснилось, предпочитает более лёгкие напитки. Ему особенно нравится «Советское шампанское». Не согласится ли Советский Союз, спросил президент, экспортировать это чудесное вино в Соединённые Штаты. Сталин ответил утвердительно. По его словам, мощности заводов шампанских вин в Советском Союзе уже сейчас превышают спрос внутреннего рынка, а после войны производство шампанского можно будет значительно увеличить, что позволит в больших количествах экспортировать его за границу, в том числе и в Соединённые Штаты.

Обед проходил в непринуждённой обстановке. Но для меня лично он начался не очень удачно. Обычно перед официальным обедом я забегаю перекусить в служебную столовую. По опыту знал, что на приёмах происходит оживлённый обмен репликами, которые требуют точного и быстрого перевода. К тому же, если разговор заходит на серьёзную тему, надо успеть его запротоколировать. Переводчику в этих условиях нечего и думать о том, чтобы поест за таким столом, хотя, разумеется,

официант кладёт и ему на тарелку то, что полагается по меню. Как правило, все это уносят нетронутым.

На этот раз пленарное заседание затянулось, и до обеда, на который Сталин пригласил своих партнёров по переговорам, оставалось всего несколько минут. Мне же надо было составить краткую запись только что закончившейся беседы. Таково было твёрдое правило, которое неукоснительно соблюдалось. Словом, я не успел забежать в столовую.

Когда все разместились за столом, начался оживлённый разговор. Закуску унесли, подали и унесли бульон с пирожком: я к ним не притронулся, так как всё время переводил и поспешно делал пометки в блокноте. Наконец, подали бифштекс, и тут я не выдержал: воспользовавшись небольшой паузой, отрезал изрядный кусок и быстро сунул в рот. Но именно в этот момент Черчилль обратился к Сталину с каким-то вопросом. Немедленно должен был последовать перевод, но я сидел с набитым ртом и молчал. Воцарилась неловкая тишина. Сталин вопросительно посмотрел на меня. Покраснев, как рак, я всё ещё не мог выговорить ни слова и тщетно пытался справиться с бифштексом. Вид у меня был самый дурацкий, все уставились на меня, отчего я ещё больше смутился. Послышались смешки, потом громкий хохот.

Каждый профессиональный переводчик знает, что я допустил грубую ошибку — ведь мне была поручена важная работа и я должен был нести ответственность за свою оплошность. Я сам это прекрасно понимал, но надеялся, что всё обернётся шуткой. Однако Сталина моя оплошность сильно обозлила. Сверкнув глазами, он наклонился ко мне и процедил сквозь зубы:

— Тоже ещё, нашёл где обедать! Ваше дело переводить, работать. Подумаешь, набил себе полный рот, безобразие!..

Сделав над собой усилие, я проглотил неразжеванный кусок и скороговоркой перевёл то, что сказал Черчилль. Я, разумеется, больше ни к чему не прикоснулся, да у меня и аппетит пропал...

Во время этого обеда много внимания уделялось темам гастрономическим. Рузвельт интересовался особенностями кавказской кухни, и в этой области Сталин, естественно проявил себя тонким знатоком. Напомнив, что во время прошлого завтрака Рузвельту особенно понравилась лососина, Сталин сказал:

— Я распорядился, чтобы сюда доставили одну рыбку, и хочу вам её теперь презентовать, господин президент.

— Это чудесно, — воскликнул Рузвельт, — очень тронут вашим вниманием. Мне даже неловко, что, похвалив лососину, я невольно причинил вам беспокойство...

— Никакого беспокойства, — возразил Сталин. — Напротив, мне было приятно сделать это для вас.

Обращаясь ко мне, он сказал:

— Пойдите в соседнюю комнату, скажите, пусть принесут сюда рыбу, которую сегодня доставили самолётом.

Выполнив поручение, я вернулся к столу. Рузвельт в это время говорил о том, что после войны откроются широкие возможности для развития экономических отношений между Соединёнными Штатами и Советским Союзом.

— Конечно, — продолжал президент, — война нанесла России огромные разрушения. Вам, маршал Сталин, предстоят большие восстановительные работы. И тут Соединённые Штаты с их экономическим потенциалом могут оказать вашей стране существенную помощь. Полагаю, мы могли бы предоставить Советскому Союзу после нашей совместной победы над державами оси кредит в несколько миллиардов долларов. Разумеется, это ещё только общая намётка, Все это нужно обсудить в соответствующих сферах, но в общем и целом подобная перспектива мне представляется вполне реальной.

— Очень признателен вам за это предложение, господин президент, — сказал Сталин. — Наш народ терпит большие лишения. Вам трудно себе представить разрушения на территории, где побывал враг. Ущерб, причинённый войной, огромен, и мы, естественно, приветствуем помощь такой богатой страны, как Соединённые Штаты, если, конечно, она будет сопровождаться приемлемыми условиями.

— Я уверен, что нам удастся договориться. Во всяком случае, я лично позабочусь об этом, — ответил Рузвельт.

В этот момент в комнату вошёл офицер охраны и спросил, можно ли внести посылку. Получив согласие, он исчез за дверью, а Сталин сказал;

— Сейчас принесут рыбку.

Все повернулись в сторону двери, из которой через несколько мгновений появились четыре рослых парня в военной форме. Они несли рыбину метра в два длиной и полметра в диаметре. Процессию замыкали два повара-филиппинца и работник американской службы безопасности. Чудо-рыбину поднесли поближе к Рузвельту, и он

несколько минут любовался ею. Тем временем американский детектив попросил меня узнать у его советских коллег, какой обработке подверглась рыба, в каких условиях и как долго можно её хранить, не подвергая риску здоровье президента. Записав все в блокнот, детектив удалился. За ним последовала и вся процессия с лососем, хвост которого, покачиваясь в такт шагам, как бы махнул нам на прощанье.

Когда все перешли в соседнюю комнату, где подали кофе, Черчилль вернулся к утренней церемонии вручения меча Георга VI Сталинграду. Он высказал мысль, что этот акт британского монарха символизирует рождённую в боях англо-советскую дружбу.

— Сам Сталинград, — заявил далее Черчилль, — стал символом мужества, стойкости русского народа и вместе с тем символом величайшего человеческого страдания. Этот символ сохранится в веках. Надо, чтобы будущие поколения могли воочию увидеть и почувствовать все величие одержанной у Волги победы и все ужасы бушевавшей там истребительной войны. Хорошо бы оставить нетронутыми страшные руины этого легендарного города, а рядом построить новый, современный город. Развалины Сталинграда, подобно развалинам Карфагена, навсегда остались бы своеобразным памятником человеческой стойкости и страданий. Они привлекали бы паломников со всех концов земли и служили бы предупреждением грядущим поколениям...

Рузвельту понравилась идея Черчилля, и он согласился, что было бы неплохо сохранить развалины Сталинграда в назидание потомкам, хотя, добавил он, это, разумеется, прежде всего дело русских.

Взоры всех устремились на Сталина. Насупившись, он медленно потягивал кофе из маленькой чашечки. Потом, неторопливым движением поставив чашку на столик, взял лежавшую тут же коробку «Герцоговины флор», закурил, затянулся, выпустив тонкую струйку дыма, сказал:

— Не думаю, чтобы развалины Сталинграда следовало оставить в виде музея. Город будет снова отстроен. Может быть, мы сохраним нетронутой какую-то часть его: квартал или несколько зданий как памятник Великой Отечественной войне. Весь же город, подобно Фениксу, возродится из пепла, и это уже само по себе будет памятником победе жизни над смертью...

Вскоре Рузвельт, сославшись на усталость, отправился на свою половину. За ним последовали и другие американцы. После их ухода остались Сталин, Молотов, Черчилль, Идеи и мы с майором Бирзом как переводчики. Продолжали пить кофе, курили сигары, которыми угощал Черчилль. Вновь обсуждали перспективы войны, прикидывали приблизительно сроки, в которые можно будет заставить Гитлера

безоговорочно капитулировать. Черчилль заметил, что он уверен в скорой победе союзников, и добавил:

— Я полагаю, что бог на нашей стороне. Во всяком случае, я сделал все для того, чтобы он стал нашим верным союзником...

Сталин поднял голову, с хитрецей посмотрел на Черчилля, сказал:

— Ну, а дьявол, разумеется, на моей стороне. Потому что, конечно же, каждый знает, что дьявол — коммунист. А бог, несомненно, добропорядочный консерватор...

Британский премьер оправдывается

На следующий день вскоре после двенадцати состоялась встреча Черчилля и Сталина. Первым взял слово Черчилль. Напомнив о своём полуамериканском происхождении, он заявил, что относится с большой любовью к американцам. Поэтому не следует понимать то, что он собирается сейчас сказать, как попытку унижить американцев. Но есть некоторые вещи, которые лучше говорить один на один. Во-первых, следует иметь в виду, что численность британских вооружённых сил в Средиземном море значительно превышает численность находящихся там американских сил. Соотношение составляет примерно один к трём или четырём. Отсюда особая заинтересованность английского правительства в том, чтобы огромная британская армия в Средиземноморье не оставалась в бездействии.

— В настоящее время, — продолжал Черчилль, — положение таково, что приходится делать выбор между датой операции «Оверлорд» и операциями в Средиземном море. Но это не все. Американцы хотят, чтобы англичане предприняли десантную операцию в Бенгальском заливе в марте будущего года.

Так Черчилль раскрыл смысл своего вчерашнего неожиданного упоминания о каких-то десантных операциях в районе Индийского океана. Получалось, что именно они теперь становятся препятствием к своевременному проведению «Оверлорда». Черчилль сказал далее, что относится «не особенно положительно» к операции в Бенгальском заливе. Конечно, дело обстояло бы по-иному, если бы имелось достаточно десантных средств как для этой операции, так и для действий в Средиземном море. Тогда можно было бы осуществить то, что хочет он, Черчилль, и то, на чём настаивают американцы, сохранив при этом сроки «Оверлорда». В нынешней же ситуации, убеждал Черчилль, речь идёт не столько о выборе между операциями в Средиземном море и «Оверлордом», сколько о выборе между десантом в Бенгальском заливе и датой высадки в Северной Франции.

Черчилль заявил, что решил все это рассказать с тем, чтобы маршалу Сталину стал ясным смысл спора, происходившего вчера в присутствии американцев.

— Маршал Сталин, возможно, думает, — говорил британский премьер, — что я уделяю недостаточное внимание операции «Оверлорд». Это неверно. Всё дело в проблеме десантных судов и в позиции американцев, которые слишком много внимания концентрируют на операциях в Индийском океане...

Внимательно выслушав Черчилля, советский представитель не стал вдаваться в подробности его объяснений, но предупредил британского премьера о серьёзных последствиях, к которым может привести дальнейшая задержка с началом операции «Оверлорд».

— Должен сказать, — заметил Сталин, — что Красная Армия рассчитывает на осуществление десанта в Северной Франции. Боюсь, что если этой операции в мае не будет, то её не будет вообще, так как через несколько месяцев погода испортится и высадившиеся войска нельзя будет снабжать в должной мере. Если же эта операция не состоится, то должен предупредить, что это вызовет большое разочарование и плохие настроения. Отсутствие этой операции может вызвать очень нехорошее чувство одиночества. Поэтому мы хотим знать, состоится ли операция «Оверлорд» или нет. Если она состоится, то это хорошо. Если же не состоится, то я должен знать об этом заранее для того, чтобы воспрепятствовать настроениям, которые отсутствие этой операции может вызвать. Это — наиболее важный вопрос.

Несмотря на всю серьёзность сделанного ему таким образом предупреждения, британский премьер и на этот раз уклонился от прямого ответа. Он вновь ограничился замечанием, что операция состоится лишь при условии, если враг не сможет иметь больше определённого числа войск к моменту высадки англо-американцев.

— Я не боюсь самой высадки, — заявил Черчилль, — но боюсь того, что произойдёт через тридцать — сорок дней.

На это советский представитель ответил, что как только будет осуществлён десант в Северной Франции, Красная Армия в свою очередь перейдёт в наступление. Если бы было известно, что высадка состоится в мае или июне, то русские могли бы подготовить не один, а несколько ударов по врагу. Пока же положение таково, что немцы перебрасывают свои войска на Восточный фронт, и они будут продолжать их перебрасывать, пока для них не возникнет серьёзной угрозы на западе.

— Немцы очень боятся нашего продвижения к германским границам, — продолжал Сталин. — Они понимают, что их не отделяет от нас ни Ла-Манш, ни море. С востока имеется возможность подойти к Германии. В то же время немцы знают, что на западе их защищает Ла-Манш, затем нужно пройти территорию Франции для того, чтобы подойти к Германии. Немцы не решатся перебрасывать свои войска на запад, в особенности, если Красная Армия будет наступать, а она будет наступать, если получит помощь со стороны союзников в виде операции «Оверлорд».

В этих словах явно звучал намёк на то, что англо-американцам, даже в случае успешной высадки, предстоит ещё очень много сделать, прежде чем они подойдут к территории Германии, тогда как советские войска могут вступить на германскую территорию первыми, если союзники будут слишком мешкать.

На Черчилля это произвело заметное впечатление, и, когда Сталин вновь спросил, не может ли премьер-министр всё же назвать дату начала операции «Оверлорд», тот решил больше не уклоняться и серьёзным тоном сказал, что ответ будет дан во время завтрака с президентом, на который оба они должны отправиться несколько позже.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Тегеранские решения и «Цицерон»

Когда руководители трёх держав собрались за завтраком, сразу стало заметно приподнятое настроение Рузвельта. На его лице сверкала улыбка, весь он был какой-то праздничный. Обращаясь к присутствующим, он с подчёркнутой торжественностью заявил:

— Господа, я намерен сообщить маршалу Сталину приятную для него новость. Дело в том, что сегодня объединённые штабы с участием британского премьера и американского президента приняли следующее предложение: «Операция «Оверлорд» намечается на май 1944 года и будет проведена при поддержке десанта в Южной Франции. Сила этой вспомогательной операции будет зависеть от количества десантных средств, которые будут иметься в наличии к тому времени».

Советские представители внешне спокойно восприняли это заявление. Но мне кажется, что внутренне каждый из нас испытывал глубокое волнение: ответ, которого так упорно добивалась советская делегация, был наконец получен. И хотя до реализации этого обязательства оставалось ещё много времени, казалось, что уже сам факт его получения снимает часть огромного бремени, лежавшего на нашем народе, вольёт новые силы в борцов против фашизма. Меня охватило чувство приподнятости, к горлу подкатил клубок, и я едва сдержался,

чтобы не захлопать в ладоши. Волнение Сталина выдавали только его необычная бледность и голос, ставший ещё более глухим, когда он, немного наклонив голову, произнёс:

— Я удовлетворён этим решением...

Несколько минут все молчали. Потом Черчилль сказал, что точная дата начала операции будет, очевидно, зависеть от фазы луны. Сталин заметил, что он, разумеется, не требует, чтобы ему была названа точная дата, и что для манёвра, конечно, будут необходимы одна-две недели в пределах мая. Он сказал:

— Я хочу заявить Черчиллю и Рузвельту, что к моменту начала десантных операций во Франции русские подготовят сильный удар по немцам.

Рузвельт поблагодарил советского представителя за такое решение, отметив, что это не позволило бы немцам перебрасывать свои войска на запад.

Так закончилось обсуждение на Тегеранской конференции проблемы открытия второго фронта в Северной Франции.

Данные тогда англо-американцами обязательства были, как известно, ещё раз пересмотрены в сторону оттяжки: операция «Оверлорд» началась не в мае, а 6 июня 1944 года. Возможно, что её отложили бы на ещё более дальний срок, если бы не успешные действия советских войск, которые теснили гитлеровцев все дальше на запад и уже приближались к территории Германии. Англо-американцы боялись опоздать и потому осуществили наконец вторжение.

После того как вопрос об «Оверлорде» был решён, участники конференции уделили значительное внимание проблеме сохранения в строгой тайне достигнутой договорённости. Черчилль заметил, что так или иначе противнику в скором времени должно стать известно о приготовлениях союзников, поскольку он это сможет обнаружить по большому скоплению железнодорожных составов, по активности в портах и так далее.

— Большую операцию, как шило в мешке, не утаишь, — сказал Сталин.

Черчилль согласился с этим, но предложил, чтобы военные штабы союзников подумали над тем, как замаскировать эти приготовления и ввести неприятеля в заблуждение.

В этой связи Сталин поделился опытом советской стороны. Он рассказал, что мы в таких случаях обманываем противника, строя макеты танков, самолётов, создавая ложные аэродромы. Затем при помощи тракторов эти макеты приводятся в движение, а разведка противника доносит своему командованию об этих передвижениях, и немцы думают, что именно в этом месте готовится удар. В ряде мест создаётся до пяти-восемь тысяч макетов танков, до двух тысяч макетов самолётов, большое количество ложных аэродромов. Кроме того, противника обманывают при помощи радио. В тех районах, где не предполагается наступление, производится переключка между радиостанциями. Её засекает противник, и у него создаётся впечатление, что здесь находятся крупные войсковые соединения. Самолёты противника иной раз день и ночь бомбят эти местности, которые в действительности совершенно пусты. В то же время там, где действительно готовится наступление, царит полное спокойствие. Все перевозки производятся ночью.

Выслушав эти объяснения, Черчилль высокопарно заявил:

— В военное время правда столь драгоценна, что её должны оберегать телохранители из лжи.

Потом более деловым тоном добавил:

— Во всяком случае, будут приняты меры для того, чтобы ввести врага в заблуждение...

Участники конференции договорились о том, что круг лиц, знающих о принятых в Тегеране решениях, должен быть, по возможности, ограничен, что будут проведены дополнительные мероприятия с целью исключить возможность утечки информации.

С советской стороны такие меры были приняты. Нам даже предложили не диктовать содержание последней беседы, как обычно, а сделать от руки запись о точных сроках вторжения и о других решениях с тем, чтобы потом оформить протоколы в Москве. В целях предосторожности мы должны были сдать в диппочту наши рукописные записи тегеранских решений. Они были упакованы в специальные толстые чёрные конверты и брезентовые мешки, опечатаны множеством сургучных печатей, и их доставили в Москву вооружённые дипкурьеры. Надо полагать, аналогичные меры были приняты и англо-американцами. Но всё же сохранить в тайне от врага важнейшие решения Тегеранской конференции не удалось.

Как стало известно уже после войны, Антони Идеи, вернувшись из Тегерана в Лондон, подробно информировал о решениях конференции британского посла в Анкаре сэра Нэтчбэлл-Хьюджессена. В

зашифрованных телеграммах содержались сведения не только о переговорах, касавшихся Турции, что было бы естественно, но и информация по другим важным вопросам, включая и сроки «Оверлорда». Вся эта информация попала через германского платного агента Эльяса Базна — камердинера сэра Хью — к гитлеровцам. Базна, получивший из-за обилия важных материалов, которые он поставил гитлеровской секретной службе СС, кличку «Цицерон», регулярно фотографировал и передавал резиденту СС в Анкаре Мойзишу секретные депеши, поступившие к британскому послу. А сэр Хью проявлял поразительную беспечность, нередко оставляя чёрный чемоданчик с документами в своей спальне без всякого присмотра. Таким образом, секретные телеграммы легко попадали в руки «Цицерона».

В мемуарах, вышедших в 1950 году, Мойзиш рассказывает, как однажды, проведя в фотолаборатории над проявлением полученных от «Цицерона» плёнок целую ночь, он обнаружил, что в его руках находятся протоколы Каирской и Тегеранской конференций. Вспоминает об этом в своей книге, опубликованной несколько позже, и Э. Базна. Он пишет, что из документов, сфотографированных им для немцев, можно было «распознать намерения англичан, американцев и русских».

Занимавший во время войны пост германского посла в Турции фон Папен писал:

«Информация «Цицерона» была весьма ценной по двум причинам. Резюме решений, принятых на Тегеранской конференции, были направлены английскому послу. Это раскрыло намерения союзников, касающиеся политического статуса Германии после её поражения, и показало нам, каковы были разногласия между ними. Но ещё большая важность его информации состояла прежде всего в том, что он представил в наше распоряжение точные сведения об оперативных планах противника».

Впрочем, судя по всему, нацистские главари не использовали в полной мере эту бесценную информацию. С одной стороны, они продолжали сомневаться: не подкинуты ли им эти документы англичанами в целях дезинформации. С другой, понимая значение информации, полученной от «Цицерона», они боялись расширять круг лиц, знавших о ней, из опасения раскрыть источник. Поэтому руководство вермахта, по-видимому, никак не использовало эти документы в своих оперативных разработках, а возможно, и вообще не знало о них. Так или иначе, осуществлённое на рассвете 6 июня 1944 года англо-американское вторжение в Нормандии было для немецкого командования полной неожиданностью.

Не обогатился на этой операции и сам «Цицерон»: 300 тысяч фунтов стерлингов, которыми с ним расплатились гитлеровцы, оказались фальшивыми.

После того как вышли мемуары Мойзиша, в английском парламенте был сделан запрос относительно утечки к немцам во время войны совершенно секретной информации из британского посольства в Анкаре. Вот что содержится в протокольной записи о заседании палаты общин от 18 октября 1950 года:

«Мистер Шеперд обратился к министру иностранных дел с запросом по поводу сообщений о том, что совершенно секретные документы, включая документы, касающиеся операции «Оверлорд», были украдены из нашего посольства в Турции и переданы немцам. Мистер Шеперд спросил, было ли проведено расследование по данному делу, каковы его результаты и какие меры приняты для того, чтобы предотвратить повторение подобных случаев.»

Министр Бевин^[3] ответил, что никакие документы фактически не были украдены во время войны из посольства его величества. Но следствие по делу показало, что камердинер посла сфотографировал в посольстве несколько секретных документов особой важности и продал плёнку немцам. Он не смог бы сделать этого, если бы посол соблюдал существующие правила хранения секретных документов. После этого случая всем тем, кого это касалось, были направлены новые инструкции и приняты прочие меры с целью предотвратить повторение подобных случаев.

Мистер Шеперд заметил, что заявление, опубликованное в книге Мойзиша по этому вопросу, вызвало большое беспокойство в нашем обществе. И если планы, касающиеся операции «Оверлорд», фактически не были украдены, то почему в таком случае министерство иностранных дел не опубликовало опровержения этого заявления?

Мистер Бевин снова подчеркнул, что документы не были украдены. Их сфотографировали, а это, в конечном итоге, одно и то же».

Таким образом, факт получения гитлеровцами сверхсекретных документов, в том числе и важнейших решений Тегеранской конференции, был официально подтверждён Лондоном.

Проблема Турции

Вопрос о том, как побудить Турцию вступить в войну на стороне союзников, был поднят Черчиллем на первом же пленарном заседании Тегеранской конференции 28 ноября.

По мнению британского премьера, вступление Турции в войну позволило бы открыть коммуникации через Дарданеллы и Босфор и направить снабжение в Советский Союз через Чёрное море. Можно было бы также использовать турецкие аэродромы для борьбы против общего врага.

— До настоящего времени, — продолжал Черчилль, — англо-американцы смогли отправить в северные порты России лишь четыре конвоя. Мешает то, что нет достаточного количества военных кораблей, чтобы эскортировать эти караваны грузовых судов с военными материалами. Но в случае открытия пути через Чёрное море можно будет регулярно осуществлять поставки в южные русские порты. Мы думаем выделить не более двух-трёх дивизий для операций в районе Турции в случае вступления её в войну, не считая военно-воздушных сил, которые мы также выделяем при этом...

Сталин в этот момент прервал Черчилля и заметил, что конвои, о которых идёт речь, пришли без потерь, не встретив на своём пути врага.

Черчилль пропустил мимо ушей это замечание и выдвинул ряд вопросов, которые, по его мнению, следует рассмотреть в связи с проблемой Турции:

— Каким образом мы сможем заставить Турцию вступить в войну? Что она должна делать? Должна ли она напасть на Болгарию и объявить войну Германии? Должна ли она предпринять наступательные операции или же она должна продвигаться во Фракию? Какова была бы позиция русских в отношении болгар, которые все ещё помнят, что Россия освободила их от турок? Какое влияние оказало бы это на румын, которые уже сейчас ищут путей для выхода из войны? Как это повлияло бы на Венгрию? Не будет ли результатом всего этого то, что среди многих стран произойдут большие политические перемены?

Обрушив на присутствовавших эти вопросы, Черчилль сделал многозначительную паузу, обвёл всех взглядом, пожевал губами и закончил своё выступление так:

— Всё это — вопросы, по которым наши русские друзья имеют, конечно, свою точку зрения.

После этого обсуждались некоторые другие проблемы, а к Турции вернулись несколько позже, когда Сталин в свою очередь спросил Черчилля:

— Если Турция вступит в войну, то что предполагается предпринять в этом случае?

— Я могу сказать, — ответил Черчилль, — что не более двух или трёх дивизий потребовалось бы для того, чтобы занять острова вдоль западного побережья Турции. Тогда суда с поставками могли бы идти в Турцию и в Чёрное море. Но первое, что мы сделаем, — отправим туркам 20 эскадрилий и несколько полков противовоздушной обороны. Это не принесёт ущерба другим операциям.

Выслушав это объяснение, глава Советского правительства высказал сомнение насчёт перспектив привлечения Турции на сторону союзников.

— Она не вступит в войну, какое бы давление мы на неё ни оказывали, — сказал Сталин. — Это моё мнение.

— Мы понимаем это так, — уточнил Черчилль, — что советское правительство весьма заинтересовано в том, чтобы заставить Турцию вступить в войну. Конечно, нам, может быть, не удастся заставить её сделать это, но мы должны предпринять всё возможное в этом отношении.

3

Министр иностранных дел находившегося тогда у власти лейбористского правительства.

— Да, мы должны попытаться заставить Турцию вступить в войну, — согласился Сталин. — Было бы хорошо, если бы Турция вступила в войну.

Британский премьер спросил, не следует ли передать вопрос о Турции на рассмотрение военных специалистов? Сталин возразил:

— Это и политический и военный вопрос, — сказал он. — Турция является союзницей Великобритании и находится в дружественных отношениях с Советским Союзом и Соединёнными Штатами. Надо чтобы Турция больше не вела игры с нами и Германией.

После этого слово взял Рузвельт, который до того не высказывал позиции США в отношении проблемы Турции.

— Конечно, — сказал он, — я за то, чтобы заставить Турцию вступить в войну, но будь я на месте турецкого президента, я запросил бы за это такую цену, что её можно было бы оплатить, лишь нанеся ущерб операции «Оверлорд».

Сталин на это заметил, что надо всё же попытаться заставить Турцию воевать, поскольку у неё много дивизий, которые бездействуют.

На состоявшемся 29 ноября и описанном ранее совещании военных экспертов вопрос о Турции был также затронут. Английский генерал Брук, докладывая о военной ситуации, как она представлялась англо-американцам, отметил, что даже если отбросить политические соображения, то с чисто военной точки зрения вступление Турции в войну было бы очень желательным и дало бы союзникам большие преимущества. Это открыло бы морские коммуникации через Дарданеллы и имело бы большое значение в смысле возможного выхода из войны Румынии и Болгарии. Кроме того, англо-американцы могли бы установить контакт с Советским Союзом через Чёрное море и осуществлять этим путём поставки в Россию. Наконец, создание в Турции авиабаз союзников дало бы возможность осуществлять налёты на важные объекты немцев, в частности на необходимые немцам нефтяные источники Румынии.

Сокращение маршрута при перевозке грузов через Чёрное море высвободило бы часть тоннажа. Для открытия пути в Чёрное море достаточно было бы захватить несколько островов вдоль турецкого побережья начиная с острова Родос. Это, по мнению Брука, не будет трудной операцией и не повлечёт за собой использование больших сил. Далее британский генерал пояснил, что в Средиземном море англичане имеют специальные десантные баржи, которые можно было бы использовать для этих операций. В соответствии с основной линией, занятой Черчиллем, Брук подчеркнул, что для осуществления этого плана нужно было бы только отложить операцию «Оверлорд».

Видя, что советская сторона проявила заинтересованность в скорейшем вступлении Турции в войну, англичане попытались обусловить решение и этого вопроса оттяжкой вторжения в Северной Франции. Естественно, что советский представитель на совещании военных экспертов маршал Ворошилов решительно выступил против такого варианта.

На втором пленарном заседании участники конференции вновь вернулись к вопросу о Турции. Черчилль сказал, что Англия, являясь

союзницей Турции, берёт на себя ответственность за то, чтобы убедить или заставить Анкару вступить в войну ещё до нынешнего рождества.

— Если президент, — продолжал Черчилль, — пожелает к нам присоединиться или захочет взять на себя руководящую роль, то для нас, англичан, это будет приемлемо. Но мы будем нуждаться и в помощи со стороны маршала Сталина. От имени британского правительства я могу сказать, что оно готово предупредить Турцию о том, что, если она не примет предложения о вступлении в войну, это может иметь серьёзные последствия для Турции и отразиться на её правах в отношении Босфора и Дарданелл.

Английский премьер напомнил, что ранее он поставил несколько вопросов, являющихся, главным образом, политическими. В частности, он хотел бы знать, что думает советское правительство по поводу Болгарии? Расположено ли оно в случае, если Турция объявит войну Германии, а Болгария нападёт на Турцию, заявить болгарам, что оно будет считать их страну своим врагом? Это, по мнению Черчилля, оказало бы огромное воздействие на Болгарию.

Английский премьер предложил, чтобы британский и советский министры иностранных дел, а также представитель президента Соединённых Штатов изучили этот и другие политические вопросы и представили рекомендации насчёт того, как заставить Турцию вступить в войну и каковы могут быть результаты этого.

Впрочем, Черчилль тут же добавил, что эти результаты представляются ему громадными, если не решающими. Объявление Турцией войны Германии будет сильным ударом для немецкого народа. Если умело воспользоваться ситуацией, то это должно также нейтрализовать Болгарию. Что касается других балканских государств, продолжал Черчилль, то Румыния уже сейчас ищет страну, перед которой она могла бы капитулировать, а Венгрия в смятении.

— Словом, — заключил Черчилль, — союзникам пора приступить к жатве.

Рассуждая далее о перспективах вступления Турции в войну, Черчилль отметил, что, если Анкара на это решится, нужно будет прежде всего воспользоваться турецкими авиабазами в Анатолии и захватить остров Родос. Для этой операции будет достаточно одной штурмовой дивизии. Получив Родос и турецкие базы, можно будет изгнать немецкие гарнизоны с других островов Эгейского моря и открыть путь через Дарданеллы.

— Если Турция не вступит в войну, — сказал Черчилль, — то мы не будем горевать об этом, а я не буду просить о выделении войск для

захвата Родоса и островов Эгейского моря. Но в этом случае не станет горевать и Германия, так как она будет по-прежнему господствовать в данном районе. Я предлагаю основательно обсудить этот вопрос. Мы потерпим большую неудачу, если Турция не вступит в войну. Кроме того, я хочу, чтобы войска и самолёты, действующие в Египте, были бы как можно быстрее использованы в случае вступления Турции в войну.

Соображения, высказанные британским премьером, не вызвали особой дискуссии и были приняты к сведению.

К турецкой теме вернулись только в последний день конференции, 1 декабря, во время завтрака, в котором приняли участие главы делегаций и их ближайшие помощники.

Когда все сели за стол и обменялись несколькими замечаниями общего характера, Гарри Гопкинс сказал, что хотел бы высказать кое-какие мысли по поводу турецкой проблемы. Вопрос о приглашении Турции вступить в войну, заметил он, связан с вопросом о том, какую поддержку Турция может получить от Великобритании и Соединённых Штатов. Кроме того, необходимо координировать вступление Турции в войну с общей стратегией союзников.

— Другими словами, — вмешался Рузвельт, — Иненю спросит нас, поддержим ли мы Турцию. Я думаю, что этот вопрос необходимо разобрать.

Советский представитель напомнил, что Черчилль обещал предоставить для помощи Турции 20–30 эскадрилий и две-три дивизии.

Английский премьер, который на одном из предыдущих заседаний действительно говорил о выделении двух-трёх дивизий в случае вступления в войну Турции, теперь почему-то стал отказываться.

— Мы не давали согласия в отношении двух-трёх дивизий, — возразил он. — У нас в Египте имеется 17 эскадрилий, которые не используются в настоящее время англо-американским командованием. Эти эскадрильи в случае вступления Турции в войну послужили бы целям её обороны. Кроме того, Англия дала согласие на предоставление Турции трёх полков противовоздушной обороны. Вот всё, что было обещано англичанами Турции. Англичане не обещали Турции войск. У турок имеется 50 дивизий, они хорошие бойцы, но у них нет современного вооружения. Что касается двух-трёх дивизий, о которых говорит маршал Сталин, то британское правительство выделило эти дивизии для овладения Эгейскими островами в случае вступления Турции в войну, а не для помощи Турции.

Черчилль замолчал и стал шарить в кармане жилета. Достав сигару, он аккуратно обрезал её и приготовился закурить, когда Рузвельт обратился к нему со словами:

— Не правда ли, операция против Родоса потребует большого количества десантных средств.

— Эта операция потребует десантных средств не больше того количества, которое находится в Средиземном море, — ответил британский премьер, раскуривая сигару.

— Моё затруднение состоит в том, — продолжал Рузвельт, — что американский штаб ещё не изучил вопроса о количестве десантных судов, необходимых для операции в Италии, подготовки «Оверлорда» в Англии и действий в Индийском океане. Поэтому я должен быть осторожен в отношении обещаний Турции. Я боюсь, как бы эти обещания не помешали выполнению нашего вчерашнего соглашения, — многозначительно заключил Рузвельт, имея в виду согласованное накануне решение о сроках высадки в Северной и Южной Франции.

Видя, что дальнейшее обсуждение проблемы Турции может привести к новым нежелательным спорам вокруг «Оверлорда», а возможно, и к попыткам снова пересмотреть дату его осуществления, Сталин предложил прекратить дискуссию.

— Я думаю, что с этим вопросом покончено, — сказал он.

Однако Черчилль то ли не расслышал, то ли не захотел расслышать это предложение и вновь пустился в рассуждения насчёт британских обещаний Турции. Он заявил, что Англия не предлагала ничего такого, чего она не могла бы дать.

— Может быть, американцы добавят что-нибудь к этому количеству? — спросил Черчилль. — Мы обещали предоставить туркам части ПВО, но мы не обещали им никаких войск, так как у нас их нет. Что касается десантных средств, то они потребуются в марте месяце, но я полагаю, что мы можем их найти в период между занятием Рима и началом «Оверлорда».

— Я хочу посоветоваться с военными, — сказал Рузвельт. — Я надеюсь, что Черчилль прав, но мои советники говорят, что возможны трудности в использовании десантных судов в период между занятием Рима и началом «Оверлорда». Они полагают, что совершенно необходимо иметь к 1 апреля десантные суда, которые будут использованы в операции «Оверлорд».

— А я не вижу затруднений, — отпарировал Черчилль. — Но мы пока никаких предложений Турции не делали, и я не знаю, примет ли их Иненю. Он должен быть в Каире и познакомиться там с положением дел. Я могу предоставить туркам 20 эскадрилий. Никаких войск я туркам не дам. Кроме того, я думаю, что войска им и не требуются. Однако всё дело в том, что я не уверен, приедет ли Иненю в Каир.

— Не захворает ли Иненю? — спросил иронически Сталин.

— Легко может захворать, — подхватил Черчилль. — Если Иненю не согласится поехать в Каир для встречи со мной и президентом, то я готов поехать к нему на крейсере в Адану. Иненю приедет туда, и я нарисую ему неприятную картину, которая предстанет перед турками, если они не согласятся вступить в войну, и приятную картину в противоположном случае. Я сообщу вам потом о результатах своих бесед с Иненю.

В разговор вновь вмешался Гопкинс. Он сказал, что поскольку вопрос о поддержке Турции в войне не обсуждался американскими военными, вряд ли целесообразно приглашать Иненю в Каир, пока военные не изучили этот вопрос.

— Следовательно, — перебил его Сталин, — Гопкинс предлагает не приглашать Иненю?

— Я не предлагаю не приглашать Иненю, — возразил Гопкинс, — но подчёркиваю, что предварительно было бы полезно получить сведения о той помощи, которую мы можем оказать туркам.

Черчилль поддержал Гопкинса, заявив, что союзники должны договориться о возможной помощи туркам. На это Рузвельт заметил, что он согласен с предложением Черчилля о предоставлении для целей обороны Турции 20 эскадрилий, а также некоторого количества бомбардировщиков.

— Мы предлагаем Турции, — повторил Черчилль, — ограниченное прикрытие с воздуха и ПВО. Сейчас зима и вторжение немцев в Турцию невероятно. Мы предполагаем продолжить снабжение Турции вооружением. Турция получает главным образом американское вооружение. Но главное в том, что в настоящее время мы можем предложить Турции неоценимую возможность принять приглашение советского правительства участвовать в мирной конференции.

На вопрос советского представителя о том, какого вооружения не хватает Турции, английский премьер ответил, что у турок имеются винтовки, неплохая артиллерия, но у них нет противотанковой артиллерии, нет авиации и нет танков. Мы, продолжал Черчилль,

организовали в Турции военные школы, но турки их плохо посещают. У них нет опыта в обращении с радиоаппаратурой. Но турки — хорошие бойцы.

— Вполне возможно, что если турки дадут аэродромы союзникам, — как бы размышляя вслух, сказал Сталин, — то Болгария не нападет на Турцию, а немцы будут ждать нападения Турции. Турция не нападет на немцев, а будет с ними находиться просто в состоянии войны. Но зато союзники получают от Турции аэродромы и порты. Если бы события приняли такой оборот, то это было бы тоже неплохо.

— Я говорил туркам, — вставил Иден, — что они могут предоставить авиабазы союзникам не воюя, ибо Германия не нападет на Турцию. Мой турецкий коллега Нуман Менеменджиоглу не хотел согласиться с моей точкой зрения. Он сказал, что Германия будет решительно реагировать и что Турция предпочла бы вступить в войну по своей доброй воле, а не быть в неё втянутой.

— Это правильно, — вмешался Черчилль. — Но я должен сказать следующее: когда вы просите Турцию растянуть свой нейтралитет путём предоставления нам авиабаз, то турки нам отвечают, что предпочитают серьёзную войну, когда же вы говорите туркам о вступлении в серьёзную войну, они отвечают нам, что у них нет для этого вооружения. Если турки ответят нам на наше предложение отрицательно, то мы должны изложить им серьёзные соображения. Мы должны им сказать, что они не будут в этом случае участвовать в мирной конференции. Что касается Англии, то мы скажем, что нас не интересуют дела турок. Кроме того, мы прекратим снабжение Турции вооружением.

— Я хочу, — заметил Идеи, — уточнить требования, которые мы должны предъявить Турции в Каире. Я понимаю, что мы должны требовать от турок вступления в войну против Германии.

— Именно против Германии, — подтвердил Сталин, делая характерный жест указательным пальцем правой руки...

Турецкий вопрос ещё раз вскользь упоминался на дневном пленарном заседании конференции за круглым столом. Черчилль внёс предложение о переброске в Чёрное море нескольких британских подводных лодок в помощь советскому морскому флоту. При этом он заметил, что если Турция побоится вступить в войну, но согласится растянуть свой нейтралитет, то, может быть, она позволит пропустить несколько подводных лодок через Босфор и Дарданеллы в Чёрное море, а также корабли для снабжения этих лодок. Одновременно Черчилль подчеркнул, что Англия не имеет в Чёрном море ни интересов, ни притязаний.

Сталин довольно сухо ответил, что советская сторона будет благодарна за всякую помощь, но от углубления в эту тему уклонился. Желая закончить дискуссию, советский делегат спросил:

— Вопрос исчерпан?

— Да, — ответил Черчилль.

Больше никто не отозвался, и конференция перешла к другой теме.

На этом обсуждение турецкой проблемы закончилось.

Через несколько дней турецкий президент Исмет Иненю прилетел в Каир. 4–6 декабря там происходили беседы между ним, Черчиллем и Рузвельтом. Встреча эта не дала практических результатов. Турция продолжала уклоняться от вступления в войну против нацистской Германии и воздерживалась от любых шагов, которые могли бы вызвать недовольствие Гитлера. Только тогда, когда победа антигитлеровской коалиции отчётливо определилась, в Анкаре решили, что пора действовать.

2 августа 1944 года, то есть спустя почти два месяца после открытия второго фронта в Северной Франции, турецкое правительство заявило о разрыве дипломатических и экономических отношений с Германией. Любопытно, что всё это время англо-американцы, несмотря на данное Черчиллем в Тегеране обязательство прекратить всякие дела с Турцией, если она откажется вступить в войну, продолжали снабжать её оружием. Были все основания полагать, что Черчилль, который всё ещё рассчитывал опередить Красную Армию на Балканах, в действительности не очень был заинтересован в «преждевременном» вступлении Турции в войну. Он полагал, что её миллионная армия сможет пригодиться ему позднее для операций на Балканах.

Но этим планам не суждено было свершиться. Советские войска быстро продвигались на запад, и турецкие политики стали опасаться, что могут прийти к шапочному разбору. 23 февраля 1945 года Турция наконец объявила войну Германии и Японии. К тому времени уже были освобождены Болгария, Румыния, Югославия, и фронт отодвинулся от турецких границ на тысячу километров. Турецкой армии уже негде было войти в соприкосновение с врагом на Европейском театре. Тем более ничего не стоило Турции объявить войну Японии, которая была ещё дальше от неё, чем Германия.

Турецкий министр иностранных дел Хасан Сака, мотивируя в меджлисе решение своего правительства о вступлении в войну, откровенно заявил, что, как его известил английский посол, объявление Турцией войны до 1 марта 1945 года позволит турецкому правительству

участвовать в Сан-Франциско в первой конференции Объединённых наций.

Именинный пирог

На торжественный приём, устроенный вечером 30 ноября в английском посольстве по случаю дня рождения Черчилля — ему в этот день исполнилось 69 лет, — гости стали собираться в начале девятого. Сталин был в парадной маршальской форме. Вместе с ним пришли Молотов и Ворошилов. Приветствуя Черчилля, Сталин преподнёс ему каракулеву шапку и большую фарфоровую скульптурную группу на сюжет русских народных сказок. Рузвельт явился во фраке. В руках он держал свои именинные подарки: старинную персидскую чашу и исфаганский ковёр.

Гости входили через парадную дверь, по обе стороны которой безмолвно застыли бородатые индийские солдаты в огромных тюрбанах.

День был жаркий, но к вечеру из старинного парка потянуло приятной свежестью. К нашему приходу в гостиной уже собралось блестящее общество: военные щеголяли в расшитых золотом мундирах, дипломаты во фраках соперничали с ними яркостью белоснежных манишек. Единственной дамой в этой компании была дочь Черчилля — Сара Черчилль-Оливер. Она стояла рядом с сияющим именинником, и подобно тому как на арене цирка партнёра артиста особенно вдохновенно раскланивается на адресованные ему аплодисменты, так Сара отвечала на приветствия и поздравления, с которыми гости подходили к Черчиллю. Впрочем, и сам виновник торжества весело улыбался и бодро дымил сигарой.

Вскоре все перешли из гостиной в столовую, где стояли длинные столы, заставленные всевозможными яствами. На главном столе возвышался огромный именинный пирог с 69 зажжёнными свечами.

Произнеся первый тост, Сталин сказал:

— За моего боевого друга Черчилля!..

Сталин подошёл к имениннику, чокнулся с ним, обнял за плечо, пожал руку. А когда все осушили бокалы, он с теми же словами обратился к президенту Соединённых Штатов:

— За моего боевого друга Рузвельта!.. Повторилась та же процедура чокания и рукопожатий. Черчилль решил не отставать, но несколько дифференцировал своё обращение. Он провозгласил:

— За могущественного Сталина! За моего друга — президента Рузвельта!..

После этого Рузвельт, обращаясь к Черчиллю и Сталину, сказал:

— За наше единство в войне и мире!..

Черчиллю понравился русский обычай произносить тосты, американцы поддержали его в этом. В итоге большую часть времени гости провели стоя, так как тосты следовали один за другим, а после каждой речи все поднимались со своих мест. К тому же Черчилль перенял манеру Сталина подходить к каждому, за кого провозглашался тост, и чокаться с ним. Так оба они с бокалами в руках неторопливо разгуливали по комнате. Настроение у всех было приподнятое. В зале стало жарко и шумно.

В тосты, какими бы тривиальными они ни были, каждый из участников встречи, казалось, вкладывал свой особый смысл.

Так же, как и в рабочем зале конференции, Рузвельт и здесь счёл нужным напомнить о послевоенном мире, о важности сохранения единства и сотрудничества великих держав не только сейчас, но и в будущем. Здесь, за именинным столом Черчилля, казалось, что задачи борьбы и победы над общим врагом, которые привели этих людей в разгар жесточайшей войны в иранскую столицу, как бы создали новую атмосферу в отношениях между ними и между их странами. В этом зале как бы собралась одна большая семья, которая всегда будет вместе. Но это ощущение длилось недолго. Его нарушил начальник Генерального штаба Англии генерал Алан Брук.

Дав знать, что хочет произнести тост — обычно каждый в таком случае постукивал ножом по бокалу, — Брук поднялся с места и стал рассуждать о том, кто больше из союзников пострадал в этой войне. Он заявил, что наибольшие жертвы понесли англичане, что их потери превышают потери любого другого народа, что Англия дольше и больше других сражалась и больше сделала для победы.

В зале наступила неловкая тишина. Большинство, конечно, почувствовало бестактность выступления генерала Брука. Ведь все знали — основная масса гитлеровских войск прикована к советско-германскому фронту, а Красная Армия ценой невероятных жертв и усилий шаг за шагом освобождает от оккупантов советскую территорию, превращённую гитлеровцами в сплошное пепелище. Сталин помрачнел. Он тут же поднялся и окинул всех суровым взглядом. Казалось, сейчас разразится буря. Но он, взяв себя в руки, спокойно произнёс:

— Я хочу сказать о том, что, по мнению советской стороны, сделали для победы президент Рузвельт и Соединённые Штаты Америки. В этой войне — главное машины. Соединённые Штаты доказали, что они могут производить от 8 до 10 тысяч самолётов в месяц. Англия производит ежемесячно 3 тысячи самолётов, главным образом тяжёлых бомбардировщиков. Следовательно, Соединённые Штаты — страна машин. Эти машины, полученные по ленд-лизу, помогают нам выиграть войну. За это я и хочу поднять свой тост...

Рузвельт сразу же ответил:

— Я высоко ценю мощь Красной Армии. Советские войска применяют не только американскую и английскую, но и отличную советскую военную технику. В то время как мы здесь празднуем день рождения британского премьер-министра, Красная Армия продолжает теснить нацистские полчища. За успехи советского оружия!

Инцидент был исчерпан, но царившая в начале вечера атмосфера непринуждённости исчезла.

Польша и её границы

Проблема Польши была рассмотрена только на последнем пленарном заседании конференции, 1 декабря, Первым эту тему затронул Рузвельт. Он выразил надежду, что советское правительство сможет начать переговоры и восстановить свои отношения с польским эмигрантским правительством, находившимся в Лондоне.

В то время у Советского Союза были все основания относиться с недоверием к этому эмигрантскому правительству, поскольку на протяжении ряда лет оно вело антисоветскую кампанию. Именно эта враждебность польского эмигрантского правительства и вынудила Москву разорвать с ним отношения, восстановленные вскоре после нападения гитлеровской Германии на СССР. Поэтому Сталин, отвечая Рузвельту, прежде всего обратил внимание на то, что агенты польского эмигрантского правительства, находящиеся в Польше, связаны с немцами.

— Они убивают партизан, — сказал Сталин. — Вы не можете себе представить, что они там делают.

— Это большой вопрос, — вмешался Черчилль. — Мы объявили войну Германии из-за того, что она напала на Польшу. В своё время меня удивило, что Чемберлен не стал вести борьбу за чехов в Мюнхене, но внезапно в апреле 1939 года дал гарантию Польше. Но одновременно я был также и обрадован этим обстоятельством. Ради Польши и во исполнение нашего обещания мы, хотя и были не подготовлены, за

исключением наших военно-морских сил, объявили войну Германии и сыграли большую роль в том, чтобы побудить Францию вступить в войну. Франция потерпела крах, но мы благодаря нашему островному положению оказались активными бойцами. Мы придаём большое значение причине, по которой вступили в войну. Я понимаю историческую разницу между нашей и русской точками зрения в отношении Польши. Но у нас Польше уделяется большое внимание, так как нападение на Польшу заставило нас предпринять нынешние усилия. Я также очень хорошо понимал положение России в начале войны, и, принимая во внимание нашу слабость в начале войны и тот факт, что Франция изменила данным ею гарантиям в Мюнхене, я понимаю, что советское правительство не могло рисковать тогда своей жизнью в этой борьбе. Но теперь другое положение, и я надеюсь, что если нас спросят, почему мы вступили в войну, мы ответим, что это случилось потому, что мы дали гарантию Польше. Я хочу прибегнуть к примеру о трёх спичках, одна из которых представляет Германию, другая — Польшу, а третья — Советский Союз. Все эти три спички должны быть передвинуты на запад, чтобы разрешить одну из главных задач, стоящих перед союзниками, — обеспечение безопасности западных границ Советского Союза.

— Я должен сказать, — ответил Сталин, — что Россия не меньше других, а больше других держав заинтересована в хороших отношениях с Польшей, так как Польша является соседом России. Мы — за восстановление, за усиление Польши. Но мы отделяем Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне. Мы порвали отношения с этим правительством не из-за каких-либо наших капризов, а потому, что польское правительство присоединилось к Гитлеру в его клевете на Советский Союз. Всё это было опубликовано в печати.

Пока переводились последние фразы этого выступления, Сталин раскрыл лежавшую перед ним тёмно-бордовую сафьяновую папку и извлёк оттуда листовку. То был кусок жёлтой довольно плотной бумаги, изрядно потёртый, побывавший, видно, уже во многих руках. На листовке была изображена голова с двумя лицами, наподобие древнеегипетского бога Януса. С одной стороны был нарисован профиль Гитлера, с другой — Сталина.

Держа высоко над столом листовку, чтобы все могли её хорошо разглядеть, Сталин сказал:

— Вот что распространяют в Польше агенты эмигрантского правительства. Хотите посмотреть поближе?

С этими словами Сталин передал листовку Черчиллю. Тот взял её безгловым жестом, двумя пальцами, поморщился и, ничего не сказав, передал Рузвельту, который пожал плечами, покачал головой и вернул листовку Сталину. Выждав немного, Сталин продолжал:

— Где у нас гарантии в том, что польское эмигрантское правительство не будет и дальше заниматься этим гнусным делом? Мы хотели бы иметь гарантию в том, что агенты польского правительства не будут убивать партизан, что эмигрантское польское правительство будет действительно призывать к борьбе против немцев, а не заниматься какими-то махинациями. Мы будем поддерживать хорошие отношения с правительством, которое призывает к активной борьбе против немцев. Однако я не уверен, что нынешнее эмигрантское правительство в Лондоне является таким, каким оно должно быть. Если оно солидаризируется с партизанами и если мы будем иметь гарантию, что его агенты не будут иметь связей с немцами в Польше, тогда мы будем готовы начать с ними переговоры. Что касается замечания насчёт трёх спичек, то я хотел бы знать подробнее, что это означает.

Черчилль объяснил, что он имел в виду проблему границ и что было бы хорошо здесь, за круглым столом, ознакомиться с мыслями русских относительно будущих границ Польши. Потом он, Черчилль, или Идеи могли бы изложить эти соображения полякам.

— Мы полагаем, — продолжал Черчилль, — что Польшу следует удовлетворить, несомненно, за счёт Германии. Мы были бы готовы сказать полякам, что это хороший план и что лучшего плана они не могут ожидать. После этого мы могли бы поставить вопрос о восстановлении отношений. Но я хотел бы подчеркнуть, что мы хотим существования сильной, независимой Польши, дружественной по отношению к России.

Сталин, в свою очередь, изложил позицию советского правительства по этому вопросу.

— Речь идёт о том, — сказал он, — что украинские земли должны отойти к Украине, а белорусские — к Белоруссии. Иными словами, между нами и Польшей должна существовать граница 1939 года, установленная Конституцией нашей страны. Советское правительство стоит на точке зрения этой границы и считает это правильным.

Молотов пояснил, что обычно эту границу называют линией Керзона.

— Нет, — возразил Иден, — там были сделаны существенные изменения.

Молотов заявил, что Иден располагает неправильными сведениями.

Тут Черчилль извлёк карту, на которой, как он сказал, нанесена линия Керзона и линия 1939 года. Тут же была указана линия Одера. Иден, водя пальцем по карте, принялся объяснять, что южная часть линии Керзона не была точно определена, и добавил, что, как предполагалось, линия Керзона должна была проходить восточнее Львова.

Сталин возразил, что линия на карте Черчилля нанесена неправильно. Львов должен оставаться в пределах Советского Союза, а линия границы должна идти западнее. Сталин добавил, что Молотов располагает точной картой с линией Керзона и с её подробным описанием. Он при этом подчеркнул, что Польша должна быть действительно большим, промышленно развитым государством и дружественным по отношению к Советскому Союзу.

Тем временем Молотов распорядился доставить карту, о которой упомянул Сталин. Через несколько минут принесли большую чёрную папку. Раскрыв её, Молотов развернул карту на столе и указал на нанесённую там линию Керзона. Молотов зачитал также текст радиограммы, подписанной лордом Керзоном. В ней точно указывались пункты, по которым проходит эта линия. После уточнения этих пунктов по карте вопрос стал предельно ясен. Позицию советской стороны больше нельзя было оспаривать. Черчилль и Иден ничего не могли возразить. Обращаясь к Сталину, Черчилль сказал:

— По-видимому, участники конференции не имеют существенных расхождений по поводу западных границ Советского Союза, включая и проблему Львова...

Рузвельт спросил, можно ли будет осуществить переселение лиц польской национальности по их желанию в Польшу. Сталин ответил утвердительно. После этого Черчилль сказал, что посоветует полякам принять разработанные здесь предложения. Он добавил, что приготовил проект специального документа по польскому вопросу, который он хочет тут же зачитать. Черчилль оговорился, что не просит соглашаться с данным предложением в том виде, в каком оно представлено, поскольку он сам ещё не принял окончательного решения. Затем Черчилль зачитал следующий текст: «В принципе было принято, что очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Оппельнской провинции. Но окончательное проведение границы требует тщательного изучения и возможного расселения населения в некоторых пунктах».

Сталин согласился в принципе с формулой, предложенной Черчиллем.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Спор о военных преступниках

Хочу рассказать об одной неофициальной встрече, на которой между советским и английским делегатами произошло серьёзное столкновение. То был совместный обед трёх лидеров и их ближайших соратников,

который поначалу проходил очень мирно. Тостов было много: за здоровье участников конференции, за успехи разных родов войск, за победу над общим врагом, за послевоенное сотрудничество. Были и весьма конкретные политические тосты. Например, с советской стороны среди других был провозглашён такой тост:

— Предлагаю тост за будущие поставки по ленд-лизу. Пусть они прибывают вовремя, не запаздывая, как сейчас!

К концу обеда Сталин поднялся с места и стал говорить о нацистских военных преступниках.

— Я предлагаю поднять тост за то, — сказал он, — чтобы над всеми германскими военными преступниками как можно скорее свершилось правосудие и чтобы они все были сурово наказаны. Мы должны, действуя совместно, покарать их, как только они попадут в наши руки. Пусть ни один из них не избежит кары, пусть ни один из них не спрячется даже на краю света. Думаю, что таких нацистских преступников наберётся немало...

Едва закончился перевод этой речи на английский язык, как Черчилль, словно ужаленный, вскочил с места. После каждого из ранее произнесённых тостов он добросовестно осушал по рюмке коньяку и был уже в весьма возбуждённом состоянии. Теперь британский премьер резким жестом отодвинул рюмку, она опрокинулась и коньяк разлился большим жёлтым пятном по скатерти. Черчилль не заметил этого — он уже едва владел собой. Его лицо и шея побагровели, глаза налились кровью. Размахивая руками, он выкрикнул:

— Подобный взгляд коренным образом противоречит нашему английскому чувству справедливости! Англичане никогда не потерпят такого массового наказания. Я решительно убеждён в том, что ни одного человека, будь он нацист или кто угодно, нельзя казнить без суда, какие бы доказательства и улики против него не имелись!

Все посмотрели в сторону Сталина. Он совершенно спокойно реагировал на бурную речь английского премьера. Его, казалось, даже забавляла нервозность Черчилля. Его глаза чуть-чуть посмеивались.

Сталин принялся невозмутимо и весьма обстоятельно опровергать доводы Черчилля, чем приводил последнего в ещё большее бешенство. Советский представитель подчеркнул, что никто не собирается наказывать нацистских преступников без суда. Дело каждого должно быть тщательно разобрано. Но уже сейчас очевидно, что при массовых зверствах, совершаемых гитлеровцами, среди них должны быть десятки тысяч преступников, закончил Сталин. Потом, обратившись к Рузвельту,

который молча наблюдал за этой сценой, Сталин осведомился о его мнении.

— Как обычно, — сказал президент, — мне, очевидно, придётся выступить в качестве посредника в этом споре. Совершенно ясно, что необходимо найти какой-то компромисс между вашей позицией, маршал Сталин, и позицией моего доброго друга, премьер-министра.

Советские представители и американцы, оценив ответ президента, рассмеялись. Но англичане, поглядывая на своего лидера, сидели молча, с мрачными лицами. Черчилль опустил в кресло, но чувствовалось, что в нём все ещё клокочет ярость.

— Давайте прекратим эту дискуссию, — сказал Гопкинс. — До Германии ещё много миль, а до победы над нацистами ещё много месяцев...

Но Сталин продолжал опрашивать каждого из присутствующих о его мнении. Наконец, очередь дошла до сына президента Эллиота Рузвельта, который также присутствовал на обеде. Он поднялся с места и несколько смущаясь, но довольно твёрдо сказал:

— Не слишком ли академичен этот вопрос? Ведь когда наши армии двинутся с запада, а русские будут продолжать наступление с востока, вся проблема и разрешится, не так ли? Русские, американские и английские солдаты разделяются с большинством из этих преступников в бою... Сталину понравился этот ответ. Обойдя с бокалом вокруг стола, он остановился около Эллиота, обнял его, улыбаясь, воскликнул:

— Превосходный ответ! Предлагаю тост за ваше здоровье, Эллиот!

Тут Черчилль снова взорвался. Перегнувшись через стол и грозя Эллиоту пальцем, он прорычал:

— Вы что же, хотите испортить отношения между союзниками? Вы понимаете, что вы сказали? Как вы осмелились произнести подобную вещь?..

Эллиот плюхнулся в кресло с растерянным видом и так забавно прикрыл лицо руками, что все присутствующие разразились смехом. Напряжение было снято.

Вскоре все перешли в соседнюю комнату пить кофе. Но Черчилль в этот вечер не подходил к советским делегатам. Его помрачневшее лицо покрылось красными пятнами, и он ещё более энергично, чем всегда, дымил сигарой.

Бурная реакция Черчилля на предложение покарать нацистских военных преступников была не случайна. Само по себе это требование не могло быть неожиданным для английского премьера. Его подпись стояла под Декларацией глав правительств трёх держав антигитлеровской коалиции, опубликованной 3 ноября 1943 года во время происходившего в Москве совещания министров иностранных дел трёх держав.

В «Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства», которая была также скреплена подписями Рузвельта и Сталина, говорилось: «...немцы, которые принимали участие в массовых расстрелах итальянских офицеров, или в казнях французских, нидерландских, бельгийских и норвежских заложников, или критских крестьян, или же те, которые принимали участие в истреблении, которому был подвергнут народ Польши, или истреблении населения на территориях Советского Союза, которые сейчас очищаются от врага, должны знать, что они будут отправлены обратно в места их преступлений и будут судимы на месте народами, над которыми они совершали насилия. Пусть те, кто ещё не обагрил своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзные державы, наверняка, найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы смогло совершиться правосудие...» Казалось бы, после этой Декларации предложение покарать гитлеровских военных преступников не могло вызвать возражений. Ведь речь шла именно о наказании нацистских преступников, а не о мести по отношению к невинным. Но, по-видимому, Черчилль рассматривал Декларацию трёх держав лишь как пропагандистский жест, а в душе думал совсем другое. К тому же, по мере того как советские войска продвигались дальше на запад и все ближе подходили к территории третьего рейха, Черчилль стал задумываться о том, как бы использовать гитлеровских разбойников при осуществлении уже бродивших у него в голове планов создания нового «санитарного кордона» вокруг Советской страны.

Англо-американский план расчленения Германии

От тегеранской встречи до победы над гитлеровской Германией было ещё очень далеко. Советским армиям предстояло в тяжёлых боях пройти сотни километров, форсировать крупные водные рубежи, взять штурмом множество городов. И ещё многие тысячи советских, американских, английских воинов, борцов Сопrotивления должны были отдать жизнь в этой титанической схватке. Предстояли тяжёлые бои на Восточном фронте, высадка в Нормандии, кровопролитные бои в Арденнах, освобождение Франции и других стран, оккупированных нацистами.

В Тегеране все понимали, что до того момента, когда с востока, запада, севера и юга войска союзников пересекут германские границы и пойдут на последний штурм общего врага, пройдет немало времени. Но то, что этот момент наступит, ни у кого не вызывало сомнения. Все были уверены в конечной победе антигитлеровской коалиции.

Естественно поэтому, что на Тегеранской конференции встал вопрос о том, как следует союзникам поступить с Германией после победы. То, что державы фашистской «оси» должны безоговорочно капитулировать, не вызывало разногласий: тут царило единодушие. Но надо было думать и о том, что предпринять, чтобы Германия, которая на протяжении жизни одного поколения дважды ввергла человечество в мировую войну, никогда больше не смогла развязать новую агрессию.

Впервые этот вопрос подвергся обсуждению после позднего обеда 28 ноября. День был довольно напряжённый, и Рузвельт, который выглядел усталым, попросив у своих коллег прощения, отправился к себе сразу же после того, как все встали из-за стола. Черчилль, Сталин, Идео и Молотов перешли в соседнюю комнату, где был подан кофе.

Раскуривая сигару, Черчилль заметил, что союзники должны нанести такой сокрушительный удар по Германии, чтобы она никогда больше не могла угрожать другим народам. Сталин согласился с этим, но добавил, что, если не будут приняты особые меры, Германия скоро восстановит свой потенциал и будет снова представлять угрозу для мира. Черчилль не согласился с этой точкой зрения. Он сказал, что уже сейчас в результате огромных потерь на советском фронте, а также бомбардировок, которым подвергает Германию авиация союзников, её людские резервы и военно-промышленный потенциал в значительной мере истощены, а к концу войны Германия подвергнется таким ударам и будет настолько разрушена, что никак не сможет скоро восстановиться.

— Вы, я вижу, большой оптимист, — улыбнулся Сталин. Поставив чашку с недопитым кофе на столик, он провёл белым платком по усам и более серьёзно добавил: — К сожалению, я не могу разделить этого оптимизма. Специфические условия Германии с её юнкерством и крупными военными концернами таковы, что она может ещё не раз представлять угрозу для мира. Но мы, конечно, могли бы попытаться изменить эти условия...

Черчилль, почувствовав, что Сталин коснулся вопроса об общественном строе послевоенной Германии, резко перевёл разговор на другую тему. Больше в этот вечер к германскому вопросу не возвращались.

Когда на следующий день Сталин встретился с Рузвельтом один на один, он рассказал ему о разговоре с Черчиллем.

— Когда вы ушли, — сказал Сталин, — я имел разговор с Черчиллем относительно сохранения мира в будущем. Черчилль очень легко смотрит на это дело. Он считает, что Германия не сможет скоро восстановиться. Я с этим не согласен и думаю, что это может скоро произойти. Для этого ей потребуется всего 15–20 лет. Если Германию ничего не будет сдерживать, то я опасаясь, что она скоро сможет восстановить свою силу. Первая большая война, начатая Германией в 70-м году прошлого столетия, закончилась в 1871 году. Всего через 42 года после этой войны, то есть в 1914 году, немцы начали новую войну, а ещё через 21 год, в 1939 году, они вновь начали войну. Как видно, срок, необходимый для восстановления Германии, сокращается. Он и в дальнейшем, очевидно, будет сокращаться.

Рузвельт слушал, не перебивая. Его заинтересовал ход мыслей Сталина. Лишь изредка в знак согласия он кивал головой и легонько постукивал пальцами правой руки по подлокотнику коляски.

Между тем Сталин продолжал говорить о том, как трудно добиться того, чтобы Германия не стала снова угрожать другим народам. Какие бы запреты мы ни налагали, сказал он, немцы будут иметь возможность их обойти. Если мы запретим строительство самолётов, то мы не можем закрыть мебельные фабрики, а известно, что мебельные фабрики можно быстро перестроить на производство самолётов. Если мы запретим Германии производить снаряды и торпеды, то мы не можем закрыть её часовых заводов, а каждый часовой завод может быть быстро перестроен на производство самых важных частей снарядов и торпед. Поэтому Германия может снова восстановиться и начать агрессию.

На этот раз Сталин не упомянул о социальных условиях Германии. Возможно, резкая реакция Черчилля подсказала ему, что в вопросе о социальной структуре Германии он может встретить лишь сопротивление англо-американцев. Во всяком случае, теперь он говорил только о стратегических мерах, которые могли бы помочь союзникам держать побеждённую Германию в определённых рамках.

— Для того чтобы предотвратить агрессию, — пояснял свою мысль Сталин, — тех органов, которые намечается создать, будет недостаточно. Необходимо иметь возможность занять наиболее важные стратегические пункты с тем, чтобы Германия не могла их захватить. Такие пункты нужно занять не только в Европе, но и на Дальнем Востоке, чтобы Япония не смогла начать новой агрессии. Должен быть создан специальный орган, который имел бы право занимать стратегически важные пункты. В случае угрозы агрессии со стороны Германии или Японии эти пункты должны быть немедленно заняты с тем, чтобы окружить Германию и Японию и подавить их...

— Я согласен с вами на 100 процентов, — сказал Рузвельт. — Я могу быть так же твёрд, как маршал Сталин. Конечно, немцы могут перестроить свои заводы на военное производство, но в этом случае необходимо будет действовать быстро, и если будут приняты решительные меры, то Германия не будет иметь достаточно времени для того, чтобы вооружиться.

— В таком случае все обеспечено, — улыбнулся Сталин.

Во время пленарного заседания 1 декабря участники конференции вновь вернулись к вопросу о Германии. Рузвельт сказал, что имеется предложение о расчленении Германии и что этот вопрос следует обсудить подробнее.

Вслед за американским президентом слово взял Черчилль, который, видимо, уже был подготовлен к такой постановке вопроса. Он энергично поддержал Рузвельта:

— Я за расчленение Германии. Но я хотел бы обдумать вопрос относительно расчленения Пруссии. Я также за отделение Баварии и других провинций от Германии.

Предложение Черчилля прозвучало несколько неожиданно, и в зале воцарилось молчание. Снова заговорил Рузвельт.

— Чтобы стимулировать нашу дискуссию, — заявил он, — я хотел бы изложить составленный мною лично два месяца тому назад план расчленения Германии на пять государств.

— Я хотел бы подчеркнуть, — перебил Черчилль, — что корень зла Германии — Пруссия.

Рузвельт одобрительно кивнул и продолжал:

— Желательно, чтобы мы сначала имели перед собой картину в целом, а потом уже говорили об отдельных компонентах. По моему мнению, Пруссия должна быть, по возможности, ослаблена и уменьшена в своих размерах. Она должна составлять первую самостоятельную часть Германии. Во вторую самостоятельную часть должны быть включены Ганновер и северо-западные районы Германии. Третья часть — Саксония и район Лейпцига. Четвёртая часть — Гессенская провинция, Дармштадт, Кассель и районы, расположенные к югу от Рейна, а также старые города Вестфалии. Пятая часть — Бавария, Баден и Вюртемберг. Каждая из этих пяти частей будет представлять собой независимое государство. Кроме того, из состава Германии должны быть выделены районы Кильского канала и Гамбурга. Этими районами должны будут управлять Объединённые нации или четыре

державы. Рурская и Саарская области должны быть поставлены под контроль либо Объединённых наций, либо попечителей всей Европы. Вот моё предложение. Я должен предупредить, что оно является лишь ориентировочным...

В обстановке тех дней, когда ещё почти вся Европа находилась под фашистской пятой, предложение Рузвельта о расчленении Германии звучало как-то нереально. К тому же сразу возникло сомнение — можно ли в середине XX века заставить немецкий народ примириться с возрождением карликовых государств времён курфюрстов? Не слишком ли смело решил перекроить карту Германии американский президент?

Но Черчилль, этот опытный и хитрый политик, как будто поддерживал идею Рузвельта.

— Вы изложили полный короб всякой всячины, — сказал он, обращаясь к президенту. — Я считаю, что существуют два вопроса: один — разрушительный, а другой — конструктивный. У меня две идеи: первая — это изоляция Пруссии от остальной Германии; вторая — это отделение южных провинций Германии — Баварии, Бадена, Вюртемберга, Палатината,^[4] от Саара до Саксонии включительно. Я держал бы Пруссию в жёстких условиях. Я считаю, что южные провинции легко оторвать от Пруссии и включить в дунайскую федерацию. Люди, живущие в дунайском бассейне, не являются причиной войны. Во всяком случае, с пруссаками я поступил бы гораздо более сурово, чем с остальными немцами. Южные немцы не начнут новой войны.

Эти рассуждения Черчилля вносили новый элемент в вопрос о судьбе Германии. Выступая за расчленение Германии и подавление Пруссии, он в то же время клонил дело к созданию некоего нового образования, наподобие лоскутной габсбургской монархии. Именно так можно было понять смысл его рассуждений насчёт дунайской федерации. Само собой разумеется, что, по мысли британского премьера, такая федерация должна была находиться под контролем западных держав и изолировать Советский Союз от Западной Европы. Этот план явно перекликался с идеей самого Черчилля о высадке англо-американских войск на Балканах с целью «опередить» русских в Юго-Восточной Европе.

Сталин весьма отрицательно воспринял этот план.

— Мне не нравится план новых объединений государств, — сказал он ледяным тоном. — Если будет решено разделить Германию, то не надо создавать новых объединений. Будь то пять или шесть государств и два района, как предполагает Рузвельт, этот план может быть рассмотрен. Что же касается предложений английской стороны, то надо иметь в виду следующее. Черчиллю скоро придётся иметь дело с большими массами

немцев, как приходится сейчас нам. Он увидит тогда, что в германской армии сражаются не только пруссаки, но и немцы из остальных провинций Германии. Лишь австрийцы, сдаваясь в плен, кричат: «Я — австриец!» — и наши солдаты их принимают. Что касается немцев из отдельных провинций Германии, то они дерутся с одинаковым ожесточением. Как бы мы ни подходили к вопросу о расчленении Германии, не нужно создавать какого-то нового нежизнеспособного объединения дунайских государств. Венгрия и Австрия должны существовать отдельно друг от друга. Австрия существовала как самостоятельное государство до тех пор, пока она не была захвачена Гитлером.

Рузвельт согласился со Сталиным в том, что между немцами, происходящими из разных германских провинций, не существует разницы. Пятьдесят лет тому назад эта разница существовала, сказал президент, но сейчас все немецкие солдаты одинаковы.

После этого снова выступил Черчилль.

— Я не хочу, чтобы меня истолковали так, будто бы я не за расчленение Германии, — заявил он. — Но я хотел бы сказать, что если раздробить Германию на несколько частей и не создать комбинации из этих частей, тогда, как это говорил маршал Сталин, наступит время, когда немцы объединятся.

— Нет никаких мер, которые могли бы исключить возможность объединения Германии, — возразил глава советской делегации.

— Маршал Сталин предпочитает раздроблённую Европу? — язвительно спросил Черчилль.

— Причём здесь Европа? — отпарировал Сталин. — Просто я не знаю, нужно ли создавать четыре, пять или шесть самостоятельных германских государств. Этот вопрос нужно обсудить...

Рузвельт спросил, не следует ли создать для изучения вопроса о Германии специальную комиссию или, быть может, передать этот вопрос в Лондонскую комиссию представителей трёх держав. Сталин согласился передать этот вопрос в Лондонскую комиссию.

Эта проблема была вновь поднята западными державами на Крымской конференции в феврале 1945 года. Но и там их идея расчленения Германии не встретила поддержки с советской стороны. Советский делегат в трёхсторонней комиссии отклонил предложения англо-американцев о расчленении Германии. Тем временем позиция Советского правительства в этом вопросе была чётко определена. Выступая 9 мая 1945 года в День Победы над гитлеровской Германией,

глава Советского правительства заявил, что Советский Союз «не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию».

4

Административный район «Оберпфальц» на границе с Чехословакией.

Западные пропагандисты любят разыгрывать фальшивую карту, утверждая, будто Советский Союз повинен в расколе Германии. Это злобная выдумка. Наоборот, именно благодаря принципиальной позиции Советского правительства англо-американские планы расчленения Германии, впервые выдвинутые на Тегеранской конференции, не были претворены в жизнь.

На проходившей летом 1945 года Потсдамской конференции трёх держав были приняты важные решения о денацификации, демократизации и демилитаризации Германии как единого целого. Если бы эти решения были выполнены полностью, то и сейчас Германия существовала бы как единое государство. Но решения Потсдамской конференции не были выполнены в западных зонах оккупации, и западные державы, не добившись раздробления Германии, раскололи её явочным порядком. В Западной Германии начался процесс ремилитаризации. Военные монополии вновь набрали силу. Были созданы так называемая «бизония», а затем «тризония». Наконец, была провозглашена Федеративная Республика Германии, в которой пышным цветом расцвели милитаризм и реваншизм.

В этих условиях демократические силы немецкого народа на востоке страны создали государство рабочих и крестьян — Германскую Демократическую Республику.

Так появились два германских государства, которые в наши дни идут различными историческими путями. ГДР идёт по дороге социализма и мира. В ФРГ, где по-прежнему господствуют старье правящие классы, создана благоприятная почва для возрождения реваншизма, милитаризма, неофашизма, что чревато опасностью новой войны.

Послевоенное устройство

Участники тегеранской встречи лишь в общих чертах коснулись проблемы послевоенного устройства мира. Несмотря на противоречивость интересов держав, представленных на конференции, уже на этом этапе войны делались попытки найти общий язык в отношении обеспечения сохранности мира после победы антигитлеровской коалиции. Лидеры западных держав видели, что народы всего мира, прилагавшие титанические усилия для разгрома

фашизма, для избавления человечества от угрозы порабощения, кровно заинтересованы в том, чтобы больше никогда не повторилась мировая бойня. Эти настроения широких кругов общественности оказывали сильное давление на лидеров капиталистических государств, воевавших против держав «оси». Особенно чувствителен к этому давлению был Рузвельт. Он, несомненно, много думал над будущим устройством мира.

В беседе со Сталиным 29 ноября Рузвельт сказал, что хотел бы обсудить вопрос о будущем устройстве мира ещё до отъезда из Тегерана. По мнению американского президента, следует создать такую организацию, которая действительно обеспечила бы длительный мир после войны. Встретив положительный отклик с советской стороны, Рузвельт сказал, что, как он себе представляет, после окончания войны должна быть создана мировая организация, которая будет основана на принципах Объединённых наций. Эта организация не будет заниматься военными вопросами. Она не должна быть похожа на Лигу наций. В неё войдут 35, а может быть, 50 Объединённых наций, и она будет лишь давать рекомендации. Никакой другой власти эта организация не должна иметь.

Рузвельт высказал мнение, что такая организация должна заседать не в одном определённом месте, а в разных местах. На вопрос, идёт ли речь о европейской или о мировой организации, президент ответил, что это должна быть мировая организация.

Сталин спросил, из кого должен состоять исполнительный орган этой организации. Рузвельт ответил, что, как он полагает, Исполнительный комитет должен включать Советский Союз, Великобританию, Соединённые Штаты, Китай, две европейские страны, одну южноамериканскую, одну страну Среднего Востока, одну страну Азии (кроме Китая), один из британских доминионов. Рузвельт сказал, что Черчилль согласен с этим предложением, поскольку в данном случае англичане будут иметь два голоса — от Великобритании и от одного из доминионов. Далее Рузвельт предложил, чтобы Исполнительный комитет занимался бы сельскохозяйственными, продовольственными, экономическими проблемами, а также вопросами здравоохранения.

По мысли Рузвельта, должен также существовать Полицейский комитет, состоящий из стран, которые следили бы за сохранением мира и за тем, чтобы не допустить новой агрессии со стороны Германии.

Советская сторона не выдвигала в Тегеране конкретных предложений по вопросам послевоенного устройства. Сталин в беседе с Рузвельтом ограничился тем, что ставил уточняющие вопросы и высказывал лишь самые общие соображения.

Когда Рузвельт упомянул о Полицейском комитете, советский представитель поинтересовался, будет ли этот комитет принимать решения, обязательные для других стран?

— Что было бы, если бы какая-то страна отказалась выполнять принятое этим комитетом решение? — поинтересовался Сталин.

— В таком случае страна, отказавшаяся выполнить решение, была бы лишена возможности в дальнейшем участвовать в решениях этого комитета, — ответил президент.

— Будут ли Исполнительный комитет и Полицейский комитет частью общей организации или же это будут самостоятельные органы?

— Это будут три отдельных органа. Общая организация из 35 Объединённых наций. Исполнительный комитет из 10 или 11 стран. Полицейский комитет — из четырёх держав. Если возникнет опасность агрессии или же нарушения мира каким-либо иным образом, то необходимо иметь такой орган, который мог бы действовать быстро, так как тогда не будет времени для обсуждения даже в таком органе, как Исполнительный комитет.

— Следовательно, — уточнил Сталин, — это будет такой орган, который принуждает.

Не давая прямого ответа, Рузвельт сказал, что он хотел бы привести такой пример: когда в 1935 году Италия без предупреждения напала на Абиссинию, он, Рузвельт, просил Францию и Англию закрыть Суэцкий канал, чтобы не позволить Италии продолжать эту войну. Однако ни Англия, ни Франция ничего не предприняли, а передали этот вопрос на разрешение Лиги наций. Таким образом, Италии была предоставлена возможность продолжать агрессию. Предлагаемый сейчас орган, в который входили бы только четыре державы, будет иметь возможность действовать быстро, и в такого рода ситуациях он мог бы, не мешкая, принять решение о закрытии Суэцкого канала.

На замечание Сталина, что он понимает это, Рузвельт выразил удовлетворение тем, что ему удалось познакомить советского премьера со своими соображениями. Эти наметки, пояснил он, носят ещё общий характер и нуждаются в дальнейшей разработке. Но суть их в том, чтобы избежать ошибок прошлого.

Выслушав американского президента, советский представитель высказал некоторые общие соображения. Он заметил, что, как ему кажется, малые страны Европы будут недовольны такого рода организацией. Может быть, было бы целесообразно создать европейскую организацию, в которую входили бы три страны:

Соединённые Штаты, Англия и Россия и, быть может, ещё какая-либо из европейских стран. Кроме того, существовала бы вторая организация, например по Дальнему Востоку. Сама схема, предложенная президентом, по мнению советской стороны, хорошая. Но может быть, следует создать не одну организацию, а две организации: одну — европейскую, а вторую — дальневосточную, или, может быть, мировую. Таким образом могли бы быть либо европейская и дальневосточная, либо европейская и мировая организации. Каково мнение президента?

Рузвельт ответил, что это предложение до некоторой степени совпадает с предложением Черчилля. Разница только в том, что Черчилль предложил одну европейскую, одну дальневосточную и одну американскую организацию. Но дело в том, что Соединённые Штаты не могут быть членом европейской организации. Рузвельт пояснил, что нужно только такое огромное потрясение, как нынешняя война, чтобы заставить американцев направить свои войска за океан.

— Если бы, — сказал Рузвельт, — Япония в 1941 году не напала на Соединённые Штаты, то я никогда не смог бы заставить конгресс послать американские войска в Европу...

В то время в этой фразе как будто нельзя было усмотреть ничего особенного: простое объяснение причин, побудивших конгресс дать президенту необходимые полномочия. Но подобного рода высказывания Рузвельта, которые он делал неоднократно, позже дали повод ко всякого рода домыслам. Ещё и сейчас многие в США придерживаются мнения, что Белый дом в 1941 году сознательно игнорировал поступавшие из разных источников сигналы о готовившейся японской атаке на Пирл-Харбор. За послевоенные годы опубликовано много документов и мемуаров, свидетельствующих о том, что в Вашингтоне было известно о намерениях японцев. Американцам, в частности, удалось раскрыть японский дипломатический код и расшифровать важные телеграммы, поступавшие японскому послу в Соединённых Штатах: они свидетельствовали о том, что атака готовится в районе Тихого океана. Об этом точно знали в Вашингтоне за несколько часов до нападения на Гавайские острова, но по какому-то странному стечению обстоятельств гарнизоны американских баз в районе Тихоокеанского театра, в том числе и в Пирл-Харборе, не были предупреждены и не подготовились к отражению атаки. Японские самолёты, поднявшиеся с подкравшихся почти вплотную к Гавайским островам авианосцев, нанесли сокрушительный удар по крупнейшей американской военно-морской базе Пирл-Харбор, уничтожив или выведя из строя стоявший там тихоокеанский флот США.

До сих пор тайна катастрофы в Пирл-Харборе не разгадана. Но так или иначе, после этого шока конгресс США проголосовал за вступление в войну.

...На замечание Рузвельта об условиях, при которых американское правительство смогло послать войска за океан, Сталин реагировал вопросом:

— В случае создания мировой организации, которую предлагают Соединённые Штаты, придётся ли американцам посылать свои войска в Европу?

— Это не обязательно, — ответил Рузвельт. — В случае, если бы возникла необходимость применения силы против возможной агрессии, Соединённые Штаты могли бы предоставить свои самолёты и суда, а ввести войска в Европу должны были бы Англия и Россия.

Для применения силы против агрессии, продолжал президент, имеются два метода. Если создастся опасность революции или агрессии, или другого рода опасность нарушения мира, то страна, о которой идёт речь, может быть подвергнута карантину с тем, чтобы разгоревшееся там пламя не распространилось на другие территории. Второй метод заключается в том, что четыре нации, составляющие комитет, могут предъявить данной стране ультиматум прекратить действия, угрожающие миру, указав, что в противном случае эта страна подвергнется бомбардировке или даже оккупации.

На этом, собственно, и закончилось обсуждение проблем послевоенного устройства в Тегеране. Этот вопрос в дальнейшем явился предметом переписки между тремя лидерами, а потом уже практически разрабатывался на конференции в Думбартон-Оксе летом 1944 года.

Любопытно сделанное Рузвельтом замечание насчёт «опасности революции» как «нарушения мира», а также предложение установить «карантин» в отношении стран, в которых создастся революционная ситуация. Несомненно, американский президент отражал тут позицию определённых англо-американских кругов, опасавшихся, как бы победоносная антифашистская война не привела к подъёму революционных сил, к борьбе народов за социальные преобразования.

Сталин оставил без внимания все эти замечания Рузвельта и, мне кажется, сделал это не случайно.

Известно, что накануне войны, да и в военные годы западная пропаганда не уставала твердить, будто Советский Союз преследует цели «мировой революции» и намерен «экспортировать революцию» в другие страны, особенно в те, куда войдёт Красная Армия. Эта пропагандистская кампания, подогревавшаяся ведомством Геббельса, была направлена на то, чтобы вбить клин между союзниками, вызвать подозрения, осложнить их единство в борьбе против гитлеровской

Германии. Учитывая все это, Сталин старался не давать повода для подобного рода обвинений и подозрений.

Большая тройка покидает Тегеран

2 декабря утро было серое и хмурое. Внезапно похолодало. Порывистый ветер кружил по парку жёлтые листья. У подъезда главного здания советского посольства стояло три военных «виллиса». Вокруг сновали американские детективы. Их пиджаки оттопыривали спрятанные под мышкой автоматические пистолеты. Всё было готово к отъезду президента Соединённых Штатов.

По предварительной договорённости конференция должна была работать на протяжении всего дня 2 декабря. Но снег, внезапно выпавший в горах Хузистана, вызвал резкое ухудшение метеорологических условий и вынудил Рузвельта поторопиться с отлётом. Поздно вечером 1 декабря в спешном порядке была согласована заключительная декларация. Уже не было времени ни начисто перепечатать её текст на русском и английском языках, ни устроить торжественную церемонию её подписания. Пришлось собирать подписи под этим важнейшим документом как бы методом «опроса». Каждый из главных участников конференции в отдельности наскоро поставил свою визу. У нас в руках остался изрядно помятый листок с подписями, сделанными карандашом. Внешний вид листка никак не гармонировал с торжественным содержанием этого документа, который вскоре стал известен всему миру как Тегеранская декларация трёх держав.

Вот её текст:

«Мы, Президент Соединённых Штатов, Премьер-Министр Великобритании и Премьер Советского Союза, встречались в течение последних четырёх дней в столице нашего союзника — Ирана и сформулировали и подтвердили нашу общую политику.

Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время.

Что касается войны, представители наших военных штабов участвовали в наших переговорах за круглым столом, и мы согласовали наши планы уничтожения германских вооружённых сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга.

Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу.

Что касается мирного времени, то мы уверены, что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаем

высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединённых нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранил бедствия и ужасы войны на многие поколения.

Совместно с нашими дипломатическими советниками мы рассмотрели проблемы будущего. Мы будем стремиться к сотрудничеству и активному участию всех стран, больших и малых, народы которых сердцем и разумом посвятили себя, подобно нашим народам, задаче устранения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости. Мы будем приветствовать их вступление в мировую семью демократических стран, когда они пожелают это сделать.

Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха.

Наше наступление будет беспощадным и нарастающим.

Закончив наши дружественные совещания, мы уверенно ждём того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действию тирании, и в соответствии со своими различными стремлениями и своей совестью.

Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели.

РУЗВЕЛЬТ

СТАЛИН

ЧЕРЧИЛЛЬ

Подписано в Тегеране 1 декабря 1943 года».

Среди других решений, связанных с ведением войны, была достигнута договорённость об оказании всесторонней помощи югославским партизанам.

Была также согласована Декларация трёх держав об Иране. Она гласила:

«Президент Соединённых Штатов, Премьер СССР и Премьер-Министр Соединённого Королевства, посоветовавшись друг с другом и с Премьер-Министром Ирана, желают заявить об общем согласии их трёх правительств относительно их взаимоотношений с Ираном.

Правительства Соединённых Штатов, СССР и Соединённого Королевства признают помощь, которую оказал Иран в деле ведения войны против общего врага, в особенности облегчая транспортировку грузов из-за границы в Советский Союз.

Эти три правительства сознают, что война вызвала специфические экономические трудности для Ирана, и они согласились, что они будут по-прежнему предоставлять Правительству Ирана такую экономическую помощь, какую возможно будет оказать, имея в виду те большие требования, которые налагают на них их военные операции по всему миру и существующий во всём мире недостаток транспортных средств, сырья и снабжения для гражданского потребления.

Имея в виду послевоенный период, Правительства Соединённых Штатов, СССР и Соединённого Королевства согласны с Правительством Ирана в том, что любые экономические проблемы, которые встанут перед Ираном после окончания военных действий, должны быть полностью рассмотрены наряду с

экономическими проблемами, которые встанут перед другими членами Объединённых Наций, — конференциями или международными организациями, созданными или созданными для обсуждения международных экономических вопросов.

Правительства Соединённых Штатов, СССР и Соединённого Королевства едины с Правительством Ирана в своём желании сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана. Они рассчитывают на участие Ирана совместно с другими миролюбивыми нациями в установлении международного мира, безопасности и прогресса после войны в соответствии с принципами Атлантической хартии, которую подписали все четыре Правительства.

ЧЕРЧИЛЛЬ
СТАЛИН
РУЗВЕЛЬТ
1 декабря 1943 года.

...Я стоял напротив широкого крыльца с белыми колоннами. Вокруг толпились фоторепортёры и кинооператоры. Каждый из них старался протиснуться поближе к ступенькам сквозь кордон советской и американской военной охраны, чтобы не отстать от других, когда появится Рузвельт. Дверь открылась и на площадке показался президент. Его везли в коляске два филиппинца. Поверх чёрной накидки, схваченной сверху золотой цепочкой, закреплённой между двумя пряжками в виде львиных голов, на плечи Рузвельта был наброшен клеёнчатый плащ защитного цвета. Голову покрывала изрядно помятая старомодная шляпа. Лицо его было таким, каким его привыкли видеть на портретах: пенсне, длинный мундштук с сигаретой в крупных зубах, раскрытых в широкой улыбке. Но на его облике лежала печать усталости. Это неприветливое утро особенно подчёркивало болезненную бледность президента. Почти физически ощущалось, как трудно Рузвельту — тяжело больному человеку — нести лежащее на нём бремя. Но силы его поддерживались неукротимой волей и внутренней энергией.

К коляске подошли два дюжих американских сержанта, поднесли её поближе к «виллису» и пересадили Рузвельта на переднее сиденье автомашины. Ноги его накрыли толстым ковром, сверху натянули брезент. Тем временем к группе провожающих присоединились Сталин и Черчилль. Сталин подошёл к машине, крепко пожал президенту руку, пожелал ему счастливого пути.

— Я считаю, что мы проделали здесь хорошую работу, — сказал Рузвельт. — Согласованные решения обеспечат нам победу...

— Теперь уже никто не усомнится в том, что победа за нами, — ответил Сталин улыбаясь.

Черчилль также попрощался с Рузвельтом. Шофёр включил мотор, и тут же на подножки «виллиса» вскочили четыре детектива. Двое из них, выхватив из-под пиджаков автоматы, легли на передние крылья машины. Всё выглядело так, словно машина президента должна прорваться сквозь вражеское окружение. Я впервые видел, как организована охрана американского президента, и мне казалось, что нарочитая демонстрация, которую устраивают детективы, способна лишь привлечь внимание злоумышленников. Но Рузвельт, видимо, считал это близкое к опереточному представление в порядке вещей. Он спокойно улыбался, а когда «виллис» тронулся, поднял правую руку с расставленными указательным и средним пальцами — в виде буквы «v» — «виктория» — «победа». Вскоре «виллис» президента исчез за деревьями парка.

Тут же распрощался с советскими делегатами и Черчилль. Он отправился в своё посольство и вскоре выехал на аэродром.

Советская делегация покинула Тегеран в середине дня. На аэродроме нас ожидало несколько двухмоторных пассажирских самолётов. В первой машине отправилась группа военных, во второй улетел Сталин. Мы ждали, пока не поступило сообщение о том, что он благополучно приземлился в Баку. После этого, с интервалом в несколько минут, в воздух поднялись остальные машины.

Когда мы вышли из самолёта на бакинском аэродроме. Сталин ещё находился там. Он стоял перед аэровокзалом уже не в маршальском облачении, а в простой солдатской шинели и в фуражке, без знаков различия. Рядом с ним находился главный маршал авиации Голованов и ещё несколько военных. Вскоре на поле появилась вереница лимузинов. Сталин сел во вторую машину, рядом с шофёром. На заднем сидении поместилась его личная охрана. Все остальные быстро расселись по другим машинам, и кортеж на большой скорости направился в город, к железнодорожному вокзалу. Там стоял специальный поезд из длинных тяжёлых салон-вагонов.

На пути в Москву, помнится, была только одна длительная стоянка — в Сталинграде. Мы оставались в поезде. Но Сталин в сопровождении близких к нему лиц совершил поездку по городу. На четвёртый день рано утром наш поезд прибыл в Москву. Его подали к пустынному перрону электрички, курсирующей между Белорусским и Савёловским вокзалами. Как только состав остановился, Сталин вышел из вагона, сел в чёрный лимузин, поданный прямо на перрон, и уехал в Кремль.

Только на следующий день, 7 декабря, в советской печати было опубликовано сообщение о состоявшейся в Тегеране конференции трёх держав и были напечатаны тексты Декларации и других официальных сообщений.

До этого дня никто в Советском Союзе, кроме сравнительно небольшой группы посвящённых, не знал о том, что на протяжении четырёх дней Большая тройка совещалась в Тегеране.

* * *

Итоги Тегеранской конференции свидетельствуют о плодотворности военного и политического сотрудничества СССР, США и Великобритании в годы второй мировой войны. Решения конференции способствовали сплочению, укреплению антигитлеровской коалиции. Они могли также иметь большое значение для развития дружественных советско-англо-американских отношений в послевоенные годы. Однако вскоре после окончания второй мировой войны правящие круги США и

Великобритании отошли от согласованных решений и стали на путь обострения международной обстановки, на путь холодной войны.

Тегеранская конференция была крупным успехом советской внешней политики. Возвращаясь сейчас, спустя четверть века, к дискуссиям, которые вели в Тегеране лидеры трёх держав, перечитывая решения, принятые на этой встрече, особенно ясно видишь её историческое значение.